

Валерий Вайнин

Блики солнца в преисподней

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Вайнин

Блики солнца в преисподней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39269587

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0859-2

Аннотация

Третья книга трилогии «Ученик» (переиздание в авторском варианте книги "Разрушь преисподнюю", ЭКСМО, 2008). На московских улицах появляются люди, окутанные дымкой и способные к телесной трансформации. Ощущение необычайного могущества и ярости после принятия некоей «субстанции» всегда заканчивается у них умопомешательством. Мангуст ищет источник распространения загадочной жидкости и борется с окутанными тьмой «отморозками», бесчинствующими среди бела дня. Ему активно помогают старшеклассники. Борьба осложняется еще и тем, что жену Мангуста преследует влюбленный монстр, готовый на все ради безумной страсти. Содержит нецензурную брань.

Содержание

23 сентября, четверг	5
1	5
2	9
3	13
4	17
5	20
6	23
7	29
8	35
9	41
10	53
11	62
12	66
13	71
24 сентября, пятница	77
1	77
2	83
3	87
4	94
5	98
6	111
7	114
8	117

9	120
10	122
11	126
12	130
13	135
14	138
25 сентября, суббота	141
1	141
2	145
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Семь заповедей Одиноких Мангустов

- 1. Найди Змея и убей его.*
- 2. Храни в тайне свою Сущность.*
- 3. Не используй свою Силу без крайней необходимости.*
- 4. Не вмешивайся в дела Человечества.*
- 5. Не принимай от людей помощи.*
- 6. Воспитай ученика.*
- 7. Если устал – уйди.*

23 сентября, четверг

1

Утро было как утро, хотя, казалось, ему тесновато в этой московской квартирке. Распахнутая форточка словно приглашала солнце на кухню, и солнце заглядывало из чистого любопытства: что за дятел тут поселился и стучит, стучит?..

Загорелый молодой человек, одетый в джинсы и голый выше пояса, колотил по клавишам пишущей машинки. Его тренированные мышцы пластично ходили в такт ударам пальцев, а худощавое лицо выражало досаду.

– Чёрт! – пробормотал он, уставясь в напечатанный текст. – Тошниловка просто!

Тут на кухню явилась зелёноглазая девушка в коротком

зеленом платье. И в зеленых туфлях на шпильке. Густые пепельные волосы волнами падали на её плечи. Ноги её и фигура казались совершенными, а лицо было столь красиво, что могло вызвать умопомрачение.

– Ну? – проговорила она. – Чего ты тут разнылся?

– Не твоя забота, – буркнул молодой человек, вперясь в текст. – Сам с собой разговариваю.

Девушка приблизилась.

– А вот это уже хамство. – Она поводила пальцем перед его носом. – Никогда не смей разговаривать сам с собой в моём присутствии. Понял, морда?

– Угу. – Молодой человек выдернул из машинки лист, скомкал и швырнул на стол. – Ни фига не движется. Бездарь я дремучая.

– Кто бы спорил? – Девушка присела к нему на колени. – Но ведь упорства нам не занимать, правда? Не талантом возьмём так задницей. Вернее двумя задницами. И могу тебя уверить: когда две такие задницы берутся за дело, Гомер, Стендаль и Достоевский ворочаются в гробах.

Губы молодого человека дрогнули в улыбке.

– Дашка, отвали. Дай потрудиться.

Сунув ему под нос кукиш, девушка пошуровала среди смятых бумажных листов.

– Зачем ты выбросил мой абзац, засранец?

– Затем, что он бледный и грамматика хромает.

– Врёшь. Приведи пример.

Молодой человек возвёл глаза к потолку.

– Да сколько угодно. «В этой связи должна признать...» – процитировал он. – Достаточно или ещё?

Зелёные глаза девушки воззрились на него.

– И что здесь не так?

– Не в «этой связи», Даш, а «в связи с этим». Неужели не ясно?

– Глеб, ну ты зануда! Все говорят «в этой связи», и никто в обморок не падает.

– И флаг вам на башню! Говорите, если слух не режет! Присовокупите сюда же перлы типа «вовнутрь», «наверяд ли» и «пятизвездочный отель»! Ополоумели просто!

Глаза Даши блеснули.

– Спокуха, мэтр! – Она куснула мужа за ухо. – Если у тебя буксует роман, это не повод на весь мир бочки катить.

– Не на мир, а на полуграмотных олухов.

– Типа меня, что ли?

Хмыкнув, Глеб нажал на кончик ее носа.

– Дашка, опоздаешь. Иди, а я тут поработаю задницей. Чтоб Гомер в гробу перевернулся. Давай-давай, вали.

Глянув на свои часики, Даша встала с его колен.

– И то правда. – Она вышла в прихожую, надела плащ и заглянула на кухню. – Я возьму «жигуль».

Глеб заправил в машинку бумажный лист.

– Естественно, – кивнул он, принимаясь печатать.

– Доберешься ножками, – уточнила Даша.

Набирая скорость, Глеб стучал по клавишам.

– Доберусь куда?

– В школу, детка.

– Зачем? У меня выходной, забыла?

Даша поправила на плаще поясок.

– В пять часов педсовет, забыл?

Глеб в досаде перестал печатать.

– Какого лешего? Даш, я не попрусь.

Даша вновь взглянула на часики.

– Любовь моя, если ты не притащишь свой зад на педсовет, Зинаида сожрет меня с потрохами. Даже если моя грамотность тебя не устраивает, вряд ли я этого заслуживаю.

– Черт с вами, буду.

– Ровно в пять, морда.

– Зуб даю.

Даша вышла из квартиры, захлопнув дверь. За спиной ее раздавался пулеметный треск машинки.

Во дворе дома, метрах в пятидесяти от подъезда, притулился черный «мерседес». В нем сидели двое, одетые в дорогие переливчатые плащи. За рулем был поджарый пожилой крепыш с несколько оттопыренными ушами, и рядом развалился толстяк, темные волосы которого артистично драпировали шею. Толстяк курил и жмурился на отраженное в стеклах солнце.

– Долго торчать, Володь? – хмуро осведомился крепыш. – Может, она вообще не выйдет.

Толстяк стряхнул пепел в окошко.

– Выйдет, потерпи.

– Дел полно, – буркнул пожилой.

Толстяк окинул его взглядом.

– За все твои дела, Гаврилыч, я тебе плачу. Причем не слабо.

– Володь, я же не про то. Времени просто жаль.

– Деловой ты наш. Гаврилыч, может за это ожидание тебе отстегнуть особо? Скажи не стесняйся: сколько там по твоему счетчику?

Крепыш обиженно засопел.

– Лады, Владимир Сергеевич, ваши деньги – вы босс. По мне хоть до ночи тут...

– Не лезь в бутылку, – хохотнул толстяк. – Интеллигент-

ные мужики, Федя, секут юмор... Вот и дождались! – Он ткнул сигаретой в сторону подъезда, из которого показалась Даша. – Оцени, Гаврилыч, и поделись впечатлениями.

Даша торопливо шла к старенькому «жигуленку».

Рот Гаврилыча приоткрылся сам собой, и оттопыренные уши покраснели.

– Гвоздь мне в печень, вот это баба!

Довольный произведенным эффектом толстяк усмехнулся.

– Можно за такой побегать?

Пожилой крепыш прокашлялся.

– Не можно, Володь, а нужно.

Толстяк Володя насмешливо на него покосился.

– Губы – то не раскатывай. Моя будет.

Даша, меж тем, забралась в «жигуленок», лихо развернулась и выехала через подворотню.

Володя выбросил в окно окурок.

– Давай за ней, не разевай варежку.

Водитель стряхнул оцепенение, и «мерседес» покатиł за «жигулёнком».

– Где ты ее подцепил? – выдохнул Гаврилыч.

– Держись в двадцати метрах. – Выверенным жестом толстяк откинул волосы со лба. – Еще не подцепил. Вчера засек возле универсама и проследил до дома. Теперь выясним, в какой фирме она служит, и сразу в атаку.

У перекрестка «жигуленок» нахально проскочил на жел-

тый свет. «Мерседес не отстал, в точности повторив его маневр. Гаврилыч скривил губы в усмешке.

– Судя по колымаге, платят ей копейки. Странно.

Володя не отрывал взгляда от «жигуленка».

– Не странно, а замечательно. Мы откроем перед ней перспективы, никуда не денется.

Обгоняя грузовик с кирпичом, Гаврилыч покачал головой.

– Странно, говорю. Такая баба не может работать в шашкинской конторе: коленкор не тот.

Толстяк пожал плечами.

– Кто сказал, что ее фирма не крутая?

– А в крутой фирме, Володь, такая краля будет ездить на «BMW», стоит ей лишь пальцами щелкнуть.

– В общем, конечно. Однако, Федя, всякое бывает. Может, к примеру, босс ее – тоже баба. И вообще – коллектив у них женский. Не реально, скажешь?

Гаврилыч вновь качнул головой.

– Из женского коллектива ее бы просто выперли. На кой она им сдалась такая? Кстати, она замужем?

– Откуда я знаю?

– Гвоздь мне в печень, Вова, ты даешь!

– Гаврилыч, не зли меня! – взвизгнул вдруг толстяк, и лицо его побагровело. – Какая мне к свиньям разница?! Если замужем...

– Тихо, – перебил Гаврилыч, глядя в зеркальце, – по-мо-

ему нас пасут. Причем внаглую.

– Кто? – обернулся Володя.

– Вон красный «москвич». Интер-ресно!

– Менты, что ли?

– Да уж не ФСБ. И не бандиты.

Подумав, толстяк отмахнулся.

– Пес с ними. Поцелуют меня в то самое отверстие. – Он сунул в рот сигарету, щелкнул зажигалкой и закурил. – Езжай, Гаврилыч, как ехал. Так вóт, если она замужем и катается на этой развалюхе, муж ее – явление переходное. В расчет его можно не принимать, не ходи к гадалке. Так же как, скажем, тот красный «москвич». В моих возможностях дать этой девушке то, чего она лишена. Разве не так, Федя?

Поглядывая в зеркальце, Гаврилыч промолчал. А старенький «жигуленок» несясь впереди легко и независимо, будто самый крутой «мерседес». И желтый кленовый лист, прищемленный крышкой его багажника, задорно помахивал, как пятерня.

Красный «москвич» меж тем неотступно следовал за «мерседесом». Вела машину сероглазая девушка с короткой стрижкой. Рядом с ней сидел полноватый суровый мужчина лет сорока. Оба они были в джинсах и потёртых кожаных куртках, но характерами явно не сходились.

– Много берешь на себя, Сычова, – хмуро заметил мужчина.

– Как всегда, – парировала девушка. – Ты забыл добавить.

– Я-то ничего не забыл, а вот ты... Ладно, Свет, объясни доходчиво: что мы сейчас творим?

– Ведем наружное наблюдение за фигурантом по делу о взрыве в автосалоне «Фольксваген», в результате которого погиб владелец автосалона Григорий Лепко. Тебе что-то не понятно, Лёш? Попросись в отпуск.

Мужчина глянул исподлобья.

– Свет, ответь на вопрос: при чем тут Куроедов?

Подрезав синий «мицубиси», Светлана погрозила ему кулаком и отчеканила:

– Куроедов Владимир Сергеевич и есть наш фигурант по делу о заказном убийстве. Лёш, ты как бы не в курсе?

Алексей саданул кулаком по «бардачку».

– Он не фигурант, Сычова! Пусть он заказчик! Ты об этом знаешь, я знаю, все знают – но у нас на него даже гнилого

презерватива нет!

Светлана скосила на коллегу серые глаза.

– Уж презерватив-то, Калитин, ты отыщешь. В этом деле ты профи.

Алексей поморщился.

– Стерва ты, Сычиха. Два месяца прошло, как ты меня прихватила, и всё тычешь носом, тычешь...

– А ты не долби мне прописные истины. Доказательства, видите ли, нужны. Кто бы мог подумать?

В «москвиче» повисла тишина. Черный «мерседес», вильнув задом, свернул налево. Ругнувшись, Светлана устремилась следом.

– Разумеется, нас засекли, – буркнул Алексей. – Знаешь, кто у него за рулем?

– Попов Федор Гаврилыч – полковник МУРа в отставке, – отбарабанила Света. – Начальник куроедовской охраны. Ты, вроде, с ним работал?

– Да. И он неплохо раскручивал дела, связанные со взрывами.

– О, как! – вырвалось у Светланы.

Алексей помолчал, а потом уточнил:

– Собираешься на психику им давить?

Светлана кивнула.

– Ты же меня знаешь. Главное, ввязаться в драку – там видно будет.

Вновь повисло молчание. «Мерседес» тем временем ещё

дважды повернул налево, и «москвич», конечно же, последовал за ним.

– Смотрю на тебя, Сычиха, и диву даюсь, – вздохнул Алексей. – Вроде, только что замуж вышла...

– Так и думала, твою мать! – Светлана хлопнула по рулю и, гуднув, обошла мебельный трейлер. – Знакомая до боли дорога!

Алексей невозмутимо повторил:

– Только что замуж вышла, а все никак не угомонишься. Будто шило в заднице. Брось эту дебильную слезку: ни уму, ни сердцу.

Светлана смотрела на маячивший впереди «мерседес», и глаза ее приобрели стальной оттенок.

– Может, я и бросила бы, Лёш, но этот козёл, похоже, увязался за моей подругой. А вот это уж хрен!

Брови Алексея поползли вверх.

– Что-о?! Ну-ка, разворачивайся!

– И тебе тоже хрен!

– Капитан Сычова! Я вам приказываю...

– Лёш, заткнись. Если Дашке что-то угрожает, имела я и тебя, и весь наш МУР, и кого угодно. Ты понял меня, Лёш?

Алексей внезапно улыбнулся.

– Это как раз я понял. Хотя что-то в тебе человеческое.

– Ой-ой! – покосилась на него Светлана. – Потому что я не трахаюсь в рабочее время и с кем попало?

– Опять?! – взревел Алексей. – Сычиха, ты меня достала!

Светлана похлопала его по колену.

– Больше не буду. Честно.

«Мерседес» притормозил неподалёку от ворот районной школы. «Жигуленок» припарковался метрах в ста впереди. Светлана, остановив машину, приоткрыла дверцу.

– Погоди, – сказал Алексей. – Посмотрим, что будет.

– Ну да, я буду смотреть, а этот подлюга...

– Что он ей сделает? Срежь бела дня. К тому же Попов на-верняка ему доложил, что мы на хвосте. Не дёргайся, давай подождём.

Светлана прикрыла дверцу.

– Уговорил. Но если что...

– Само собой, тут же выскакиваем. – Алексей расстегнул куртку и потрогал наплечную кобуру.

Светлана с тревогой наблюдала, как открывается дверца «жигулёнка».

Выйдя из машины, Даша взглянула на часики.

– Кошмар! – прошептала она, устремляясь к зданию школы. Ветерок играл её пепельной гривой.

В воротах с ней столкнулись две её ученицы из 6-го «А».

– Здравсьте, Дарья Николаевна! – протараторили они вразнобой.

Даша сделала строгое лицо.

– Опаздываем, значит.

Таращась на неё, девчонки почему-то улыбались.

– У нас сейчас не английский, – как бы оправдалась одна.

– Физкультура у нас, – подхватила другая.

Даша усилила строгость в голосе.

– А на физкультуру опаздывать можно?

Девчонки заулыбались ещё пуще.

– Нельзя, конечно, – согласилась одна.

– Нежелательно, – подправила другая.

При этом все трое шагали к школьному крыльцу. У крыльца Даша слегка притормозила.

– Вот что, птички мои, – обратилась она к ученицам. – Войдите первыми и, если там Зинаида Павловна, выгляните и покашляйте. О'кей?

Ученицы взирали на неё с обожанием. И та, которая заявила, что опаздывать нежелательно, сейчас же уточнила:

– А если её там нет? Не выглядывать и не кашлять?

Даша рассердилась.

– Слушай, Ирка, можешь ты выполнить просьбу? Или прикалываться будешь?

Ученицы захихикали.

– Ой, да ради Бога, – пообещала Ирка. – Нет проблем.

Девчонки упорхнули, и Даша, шурясь на солнце, смотрела им вслед. Тут за спиной её раздался мужской голос:

– Значит, вы учительница. Никогда бы не подумал.

Даша обернулась. Перед ней стоял весьма упитанный незнакомец в плаще с переливом. Его длинные темные волосы живописно курчавились на белоснежном воротнике сорочки. В руке он держал букет алых роз и улыбался в тридцать два зуба.

– А что вы подумали? – осведомилась Даша.

– Что вы фотомодель. По меньшей мере. – Улыбка словно примёрзла к лицу незнакомца.

Даша внимательно на него посмотрела.

– Кто ж меня возьмёт в фотомодели? Разве что вы подсобите.

– Легко. – Мужчина шагнул к ней и протянул розы. – Это вам. В знак восхищения вашей красотой.

Даша взглянула на свои часики.

– Польщена. Однако от незнакомцев цветы не принимаю. Толстяк поклонился, шаркнув ногой.

– Куроедов Владимир Сергеевич. Для вас – просто Воло-

дя. – Он вновь протянул ей розы.

– Хотите быть моим спонсором? – предположила Даша.

– Э-э... с удовольствием. Почту за честь.

– В таком случае смените фамилию. Куроедов как-то не впечатляет. Надо бы что-то... – Даша щелкнула пальцами, – типа Волкожоров или Винососов. Это звучит, обмозгуйте на досуге. – С этими словами она взбежала по ступенькам крыльца. И, открывая дверь школы, за спиной услышала:

– Еще потолкуем. Никуда не денешься.

Вбегая, Даша кивнула пареньку охраннику.

– Звонок был?

– Только что, – улыбнулся тот. – Опаздываем, Дарья Николаевна.

– Ой, не говорите! – Даша метнулась в учительскую раздевалку, скинула плащ и помчалась на второй этаж.

Охранник вдогонку крикнул:

– Не переживайте: сегодня многие опоздали!

Даша ворвалась в галдящий класс и произнесла по-английски:

– Привет! Прошу прощения.

Гвалт мигом стих. Класс встал.

Глядя на захлопнувшуюся дверь школы, Куроедов смачно выругался. Затем вышел из школьных ворот, швырнул цветы в урну и направился к машине. Возле «мерседеса», у открытого окна водителя, маячили двое в кожаных куртках – мужик и деваха. Распахнув дверцу, Куроедов втиснул в нее телеса.

– Кто они? – буркнул он начальнику охраны. – Менты, что ли? Скажи им: я по четвергам не подаю.

Оттопыренные уши Гаврилыча порозовели.

– Не заводись, Володь. Мы тут просто...

– Слышь ты, хрюша! – перебила деваха, обращаясь к Куроедову. Она просунулась в окно Гаврилыча, и серые ее глаза сверкнули сталью. – Когда я тебя прихвачу, ты не то что подачки...

– Капитан Сычова! – Мужик в кожанке взял ее под локоть. Она оттолкнула его руку и закончила:

– Ты у меня, хрюша, на горшке не усидишь без костылей! Усёк!

Глаза Куроедова покраснели и словно вспухли.

– Пошла вон, тварь! Сперва нарой что-нибудь, потом вякай!

– Вот именно, Володь, – подхватил начальник охраны. – Они просто на понт берут, а ты реагируешь.

– Заткнись, удавлю! – прошипел Куроедов. Глаза его еще более покраснели и вспухли.

Гаврилыч пристально в него всмотрелся.

– Э-э, да тебя повело вижу.

Откинув со лба волосы, Куроедов шумно дышал.

Мужик в кожанке пользуясь возникшей паузой, вновь попробовал оттащить напарницу.

– Пошли, Свет. Пусть пока меж собой разбираются.

Она вновь его оттолкнула.

– погоди. Дай полюбоваться на козла с букетом.

Куроедов явственно заскрежетал зубами. Салон «мерседеса» потемнел, будто погружаясь в грязноватую дымку. Брови Светланы приподнялись: она не поверила глазам.

Напарник ее в досаде проговорил:

– Валяй, любуйся. А я посижу в машине. – Он зашагал к «москвичу».

Тяжело и часто дыша, Куроедов буркнул:

– Поехали, Гаврилыч.

Начальник охраны включил зажигание, однако Светлана продолжала смотреть в окошко, держась за опущенное стекло.

– Предупреждаю один раз, – сказала она, – подойдёшь к этой девушке на три шага – хоть с цветами, хоть с ананасами – отвинчу твои причиндалы против резьбы. Усёк, хрюша?

Куроедов издал звук, напоминающий то ли стон, то ли вой. Грязноватый сумрак в машине почернел.

– Прочь, сука! – завопил он, тняя руку к Светлане.

Рука его, окутанная сумраком, точно ватой, удлинилась на полметра и растопыренными пальцами толкнула девушку в лицо. Ошарашенная Светлана, как пушинка, отлетела шагов на пять.

Гаврилыч резко дал газа, и «мерседес» рванул с места. Куроедов, откинувшись на спинку сиденья, тяжело дышал с закрытыми глазами. Выехав на шоссе, автомобиль катил в транспортном потоке. Мрак в салоне рассеялся.

– Слетаешь с катушек, – констатировал начальник охраны. – Как фраер сопливый.

Куроедов пробормотал:

– Тошно. Хочу бульона.

Начальник охраны хмуро на него покосился.

– Ясное дело, гвоздь мне в печень. – Солнце, подкравшись сзади, просвечивало сквозь его оттопыренные уши. – Они менты, Володь. Я вижу их насквозь: ни шиша у них нет, а начальство требует. Вот и куражатся для оттяжки.

– Послушай, Гаврилыч...

– К чему залупаться, Володь? Держи себя под контролем.

– Мне нужен бульон! Пойми, образина! – возопил Куроедов.

Начальник охраны приоткрыл было рот, но лишь сплюнул в окно и прибавил скорость.

Обалдевшая Светлана поднялась с пятой точки. Алексей вылез из «москвича» и бежал к ней.

– Напросилась?! – прокричал он. – Цела хоть?

Светлана демонстративно себя ощупала.

– Вроде бы. Как ни странно.

– Ну, Сычева... могила тебя исправит! Что произошло?

– Как обычно: я – им, они – мне. В общем, высказались.

Алексей зашагал к «москвичу».

– Пошли, попробуем их догнать.

Светлана не двинулась с места.

– Зачем? Мы нормально пообщались.

Алексей покрутил пальцем у виска.

– Ты с ба-альшим прибабахом! То сюда, то туда – ей-богу, определись, Свет!

Светлана задумчиво проговорила:

– Заскочу-ка я в школу. Подождёшь?

Алексей вздохнул.

– Во-первых, я не завтракал. А во-вторых, надо бы отметить у Жмыхова: его уже искрит. Давай твою школу отложим.

Светлана покачала головой.

– Завтракай без меня: я не голодна. А у Жмыхова отметить сам. Скажи, у меня встреча с информатором. Проглотит.

– Про тебя, Сычова, он проглотит все что угодно. Любой у нас проглотит.

– Лёш, брось. Сходи поешь с аппетитом.

– Между прочим, Свет, у нас дел вагон.

– С каких пор, Калитин, ты меня понукаешь? Ты – меня!

Махнув рукой, Алексей, приоткрыл дверцу машины.

– Где встречаемся?

Шагая к зданию школы, Светлана бросила через плечо:

– Позвоню тебе на мобильник.

При её появлении охранник приподнялся за своим столиком.

– Э-э, простите...

– Уголовный розыск. – Махнув перед ним корочками, Светлана проследовала мимо.

За её спиной охранник проворчал:

– Ну да, уголовный розыск. Вы жена учителя физкультуры.

Светлана обернулась.

– Если знаешь, зачем тормозишь?

Охранник раздвинул в улыбке мальчишеские усики.

– Работаю.

Светлана хмыкнула.

– Хороший мент из тебя получится.

– Нет уж, увольте.

– Подумай. – Она двинулась к спортзалу.

Школьный спортзал, как обычно, издавал характерные

шумы: топот, хлопки, девчачьи визги. Светлана приоткрыла дверь. Учитель физкультуры, веснушчатый рыжеволосый атлет, проводил с шестиклассниками разминку, от которой с детей ручьем катился пот. Светлана произнесла:

– Кхы, кхы!

На эти звуки рыжий учитель оглянулся.

– Теперь отжимаемся! – скомандовал он. – Ноги на скамейку, грудь до пола! – Выйдя из зала, он полюбопытствовал: – Соскучилась, что ли?

Воровато оглядевшись, Светлана обняла его и поцеловала в губы. Затем пробормотала:

– Стас, ты бы не очень их... Цыплята же ещё.

– Разговорчики! – улыбнулся Стас, и веснушки его разбежались по лицу. – Вложу в них здоровья сколько смогу. Спасибо потом скажут. Что, кстати, у нас на ужин?

Светлана сияла, будто на первом свидании.

– Стас, до ужина, вроде, далеко...

– Но мне интересно: опять, что ли, пельмени из пачки?

– Нет, постараюсь что-нибудь приготовить. Честно.

Фыркнув, Стас потрепал её по волосам.

– Верю. Ох, верю! – Он заглянул в зал. – Федулов, кончай сачковать! Я всё вижу!

Мальчишеский голос пробухтел:

– В баскетбол хоть поиграем?

– Отожмёшься двадцать раз – поиграем, – пообещал учитель физкультуры. – Все слышали?! Когда Федулов отожмёт-

ся двадцать раз – играем в баскетбол!

Начался такой тарарам – стёкла зазвенели. Весь класс накинудся на бедного Федулова, побуждая отжиматься.

Светлана прыснула.

– Так бы стояла тут целый день и пиялилась на вас. Но сам понимаешь.

– Ну и вали. – Стас чмокнул её в щёку. – У меня тоже, как видишь, работа – не сахар. – Он взялся за ручку двери.

– погоди, – остановила его Светлана. – В общем-то, я насчет Дашки пришла. За ней тут один тип увивается... Она четко его отшила, но ему, я уверена, это по барабану.

Стас нетерпеливо топтался.

– Короче, Свет. Кому надо обломать рога, не привлекая личный состав МУРа?

Светлана покачала головой.

– Тут сложнее.

– В чём сложность?

– Ну, в общем... Кабы я знала!

Стас попятился в зал.

– Свет, короче. Что нужно делать?

Светлана собралась с мыслями.

– Передай Дашке, чтоб опасалась Куроедова. Он подозревается в заказном убийстве, и главное... главное... – Вдруг смутившись, она торопливо закончила: – Проводи Дашку домой.

Стас застыл в дверях спортзала.

– Может объяснишь толком?

Светлана развернулась и пошла к выходу.

– Нет у меня объяснения, Стас. Проводи Дашку.

Когда она проходила мимо охранника, тот лихо ей отсалютовал. Но Светлана его даже не заметила. Погружённая в мысли, она остановилась на школьном крыльце, извлекла из кармана сотовый телефон и набрала номер.

– Это не химчистка! – отозвался мужской голос. – Сколько можно повторять...

– Привет, Француз! – произнесла Светлана. – Чем занимаешься? Роман кропаешь?

Из трубки донёсся вздох.

– Сычиха, не трави душу.

– За Сычиху – в пятак! – улыбнулась Светлана.

– А за «кропаешь» – по уху! – парировал её собеседник.

Светлана улыбнулась шире.

– Ладно, квиты. – И тут же нахмурилась. – Глеб, мне надо с тобой поговорить. Не по телефону.

Глеб хмыкнул.

– Я должен выполнить работу МУРа?

Светлана вздохнула.

– Не до шуток: речь о Дашке. И не только.

После короткого молчания Глеб уточнил:

– Что-то из ряда вон?

– Похоже. Думаю, что ты единственный, кто не сочтет, что я свихнулась. Могу я к тебе заехать?

– Дурацкий вопрос. Прямо сейчас?

– Позднее. Ты ведь дома?

– Пока – да. Но в пять у меня чёртov педсовет.

Светлана взглянула на часы.

– До пяти я обернусь.

– Свет! – крикнул голос из трубки. – Не наделай за это время глупостей!

– Не волнуйся, – заверила Светлана, – ни я, ни Дашка глупостей не наделаем. Обычная рутинная работа.

– Особенно у Дашки, – усмехнулся Глеб. – Она просто обожает рутину.

На этом они синхронно дали отбой. И немного успокоенная Светлана пошла к автобусной остановке.

Отпустив класс на перемену, Даша отправилась в школьную столовую. Ученики всех возрастов таращились на её фигуру и ноги, красоту которых подчёркивало короткое облегающее платье. Всё, однако, было спокойно, пока дело не коснулось 10-ого «Б». Во-первых, в этом классе, увы, преподавался французский язык, что лишало ребят удовольствия лицезреть на уроках красавицу-англичанку, и во-вторых, в классе этом учились знаменитые на всю школу Лёня Рюмин и Гуля Шарипова. Когда англичанка проходила мимо, 10-й «Б» в полном составе кучковался у кабинета математики. Гуля Шарипова, за лето еще больше похорошевшая, при виде Даши пихнула закадычного друга локотком. Лёня Рюмин, повзрослевший и возмужавший, но сохранивший на лбу тот же задиристый чубчик, принял сигнал и, как повелось в американских фильмах, свистнул училке вслед. Звучок получился хилый, но товарищи по учёбе замерли от восхищения Лёниной крутостью.

Даша обернулась.

– Кто свистел?

Десятиклассники сплочённо безмолвствовали.

Даша посмотрела Лёне в глаза.

– Стыдно признаться?

– Чего стыдиться-то? – заелозил Лёня. – Когда выражаешь

самые светлые чувства...

Класс захихикал.

Даша строго заметила:

– Светлые чувства так не выражают.

– А как? – любопытствовала Гуля. – Может научите?

– Запросто. – Сунув в рот два пальца, Даша издала разбойничий свист, от которого кто-то подпрыгнул, а кто-то заткнул уши. – Примерно, вот так, – заключила она и продолжила путь в столовую.

Но далеко отойти не успела.

По коридору примчалась директриса. Бесформенное платье кирпичного цвета, как знамя, трепыхалось на её тощем теле. Обёрнутая вокруг затылка жиденькая коса воинственно съехала набекрень, а бледные щёки от гнева пошли пятнами.

– Кто свистел? – жёстко прозвучал тот же вопрос.

Ответом так же было молчание.

Директриса приблизилась, чеканя шаг, как статуя Командора.

– Десятый «Б», я снимаю вас с занятий. Отправляйтесь по домам, и чтобы завтра к восьми все явились с родителями. Ясно?

– С обоими или можно с одним? – уточнила Гуля Шарипова, но никто не засмеялся.

Проигнорировав ее реплику, директриса повысила голос:

– Вам ясно, спрашиваю?!

Даша подошла с виноватым видом.

– Зинаида Павловна, свистела я.

Директриса отмахнулась.

– Дарья Николаевна, не надо их выгораживать: на шею сидут. В общем, так, десятый «Б»...

Красный как рак Лёня выступил вперёд.

– Это я свистел, Зинаида Павловна.

Директриса смерила его взглядом.

– Думаешь, я удивлена? После каникул, Рюмин, ты совсем развинтился. Завтра к восьми приведёшь родителей. В дневник записать или так запомнишь?

Даша тронула директрису за плечо.

– Честное слово, свистела я. Он не умеет.

Директриса нахмурила брови.

– Дарья Николаевна, я просила бы вас не вмешиваться. В конце концов это неэтично.

Обречённо вздохнув, Даша сунула два пальца в рот и свистнула второй раз. И вновь кто-то подпрыгнул, кто-то заткнул уши. У директрисы отвисла челюсть. После продолжительной паузы она пробормотала:

– Родители отменяются, Рюмин. Не бери на себя лишнего: тебе и своего хватает. А вас, Дарья Николаевна, прошу в мой кабинет. – Сжав тонкие губы, она зашагала по коридору.

Лёня Рюмин понуро теребил чубчик. Следуя за директрисой, Даша обернулась и показала ему кулак. Тут прозвенел звонок, и школьники от мала до велика устремились в классы.

На лестничной площадке между этажами директриса резко остановилась, и Даша едва на неё не натолкнулась. Поправив косу на затылке, директриса произнесла:

– Хотелось бы знать, Дарья Николаевна...

– Зинаида Павловна, – перебила Даша, – делайте со мной что угодно, только не увольняйте. Честное слово, я больше не буду.

Директриса вздохнула. Затем сунула в рот два пальца и подула. Ничего не получилось.

– Хотелось бы знать, – сказала она, – как у вас это выходит?

Даша воззрилась на неё в изумлении.

Директриса снова дунула в два пальца. С тем же успехом.

– Научите? – спросила она деловито.

Даша покачала головой.

– Ни за что.

– Почему?

– Если директора школ начнут свистеть, к чему это приведет?

Директриса хихикнула.

– Так и слышу интонации Глеба Михайловича.

Из спортзала по лестнице взбежал учитель физкультуры.

– Тебя-то мне и надо! – обратился он к Даше. – Добрый день, Зинаида Павловна.

– Мы уже здоровались, Станислав Андреевич.

Физкультурник раздвинул в улыбке веснушки.

– Должен же я отреагировать на ваше присутствие.

– Вовсе не обязательно. – Директриса пошла по лестнице вверх. – Между прочим, – бросила она Даше, – был звонок, свистушка...э-э...свистунья!

Стас в недоумении посмотрел ей вслед.

– Что это с ней?

– Не спрашивай, – отмахнулась Даша. – Из-за Лёньки с Гулькой я так вляпалась...

– Даш, – перебил физкультурник, – есть разговор.

Даша попятилась.

– У меня урок, Стас. Давай попозже.

– Полминуты, – заверил Стас. – Заходила Светка и велела тебе передать, чтобы ты была осторожней со своим уха-жёром.

Даша округлила глаза.

– С кем, с кем?

– С этим, как его... с Куроедовым.

– О, Господи! Стас, я пойду...

– погоди. – Стас придержал её за руку. – Светка просила, чтобы я проводил тебя домой. Куроедов этот, вроде, в убийстве замазан.

– Чёрт с ним! – Даша продолжала пятиться. – Не надо меня провожать. Спасибо.

– Даш, не хорохорься. Светка зря паниковать не будет.

– Знаю, Стас. Но после педсовета меня заберет Глеб.

Стас посмотрел на неё с удивлением.

– Глеб пойдёт на педсовет? В свой выходной?

Даша кивнула.

– Зуб давал.

Стас развел руками.

– Тогда что ж... тогда порядок.

Хлопнув его по плечу, Даша побежала вдоль коридора, влетела в класс и произнесла по-английски:

– Привет! Прошу прощения.

Класс встал. Ученики улыбались.

На уроке Лёня и Гуля сидели как на иголках. Проходили чёртовы неравенства с чёртовыми логарифмами. При этом Гуля шипела Лёне в ухо:

– Мы её подставили! Понимаешь – подставили!

– Что ей будет? – отговаривался Лёня. – Родителей, что ли, вызовут?

– Ишак! – негодовала Гуля. – Её турнуть могут! Доволен будешь?!

– Прямо уж турнуть? – выражал сомнение Лёня. – За такой свист орден давать надо.

Учительница математики обратила на них взор. Это была дама лет шестидесяти в строгом сером костюме, сухонькая и седая.

– Рюмин и Шарипова, – проговорила она негромким голосом, – извините, что отвлекаю, но пожалуйста к доске.

Лёня приподнялся.

– Если вы так настаиваете, Виктория Александровна...

И Гуля подхватила:

– ...мы готовы принять это как деловое предложение...

– ...от которого нельзя отказаться, – заключил Лёня.

Класс грохнул хохотом.

Математичка осталась невозмутима.

– Рюмин и Шарипова, – сказала она, – я вам не Глеб Ми-

хайлович.

– В смысле? – оторопел Лёня.

– В том смысле, что годы у меня не те, чтоб с вами пикироваться. К доске оба, живо. Доску пополам. Номер сорок шесть из учебника. Рюмин – неравенство один, Шарипова – неравенство три. Кто уложится в пять минут – пятёрка. Кто не уложится... Как там у вас по-французски? Пардонэ муа, мэзами.

Лёня и Гуля закрипели по доске мелом. В классе повисла тишина.

В пять минут уложились оба, решение у обоих было верным.

– Что ж, – констатировала пожилая учительница, – приятно, что вы не такие оболтусы, какими хотите казаться. Давайте дневники, ставлю «отлично».

Гуля положила дневник на стол.

– Хорошо, когда тебя ценят.

– В родном отечестве, – добавил Лёня, кладя дневник рядом.

Учительница покачала головой.

– Могу и передумать.

Лёня изобразил раскаяние.

– Молчим как рыба.

– Как две рыбы, – поправила Гуля.

– Запечённые в тесте, – добавил Лёня.

Класс прыснул.

Виктория Александровна взглянула на часы.

– Десять минут до конца урока. Я должна сделать сообщение. Поскольку Галина Даниловна уволилась, вопрос о вашем классном руководстве оставался открытым. Теперь могу вам сообщить, что меня уговорили. Вернее, уломали.

Класс глухо загудел. Седая учительница постучала по столу угольником.

– Ну-ка, тихо! Знаю, вы предпочли бы сесть на шею Глебу Михайловичу. Но вряд ли вам позволят избирать классного руководителя демократическим путём. Так что придется нам с вами терпеть друг друга оставшиеся два года. Постараемся, по крайней мере, быть взаимно вежливыми. Вопросы есть?

Гул в классе пошёл на убыль. Дождавшись тишины, Виктория Александровна удовлетворённо кивнула.

– Вопросов нет. Тогда обсудим наши общие задачи. Культработа и редколлегия...

Лёня и Гуля не слушали: они продолжали шёпотом препираться.

– Вряд ли Зинаида сделает оргвыводы, – предположил Лёня. – Подумаешь, свист. Не бомба ведь с часовым механизмом.

– Пошёл ты со своей бомбой! – разозлилась Гуля. – Только бомбы нам не хватает!

– Я к тому, – оправдывался Лёня, – что ничего такого...

– А если её всё-таки турнут?! – напирала Гуля. – Что то-

гда?! Извините, скажем, шутка? Ножки нам её понравились! Так, что ли?!

– Чего ты от меня хочешь?! – разозлился в ответ Лёня. – Чтоб я ввалился к Зинаиде и на колени плюхнулся?!

Виктория Александровна вновь постучала угольником по столу.

– Месье Рюмин! Понимаю вам с нами скучно. Но, быть может снизойдете и черкнёте в стенгазету заметку? Что-нибудь типа эссе.

– Какое еще эссе? – буркнул Лёня.

Учительница прохаживалась между рядов, заложив руки за спину.

– Об осени, Рюмин, о природе. Что-нибудь простое и неприязнительное. Не хотите нас осчастливить?

Гуля выкрикнула:

– Он с удовольствием! У него полно свежих мыслей и наблюдений!

Лёня испепелил её взглядом.

– К какому дню это надо? – осведомился он хмуро.

– Ко вторнику желательно. Справитесь?

– Э-э... в общем... – промямлил Лёня. – В стихах можно?

Послышались смешки. Пожилая учительница и бровью не повела.

– Сделайте одолжение. Уверена, ваши строки украсят стенгазету.

Тут прозвенел звонок, и Виктория Александровна тороп-

ливо продиктовала задание на дом. Десятый «Б» ринулся на перемену.

Лёня и Гуля устремились к кабинету английского, из которого, как раз, выходила Даша.

– Дарья Николаевна, ну как? – взволнованно поинтересовалась Гуля.

И Лёня добавил:

– Поддержка армии и флота не нужна?

Даша выдержала паузу. В глазах её плясали чёртики.

– Из-за вас, – отчеканила она, – меня лишили северных коэффициентов и надбавки за выслугу лет. Довольны?

– Только и всего? – просияла Гуля. – Рассосётся.

А Лёня серьёзно заявил:

– Не надо было со мной пересвистываться. Не женское это дело.

Даша посмотрела на что-то за их спинами и сказала, понизив голос:

– Ленка с Гулькой, линияйте: директор на горизонте.

– Оставьте эти приколы для детсада, – усмехнулся Лёня.

И Гуля поддержала:

– Да и там на это никто не купится.

Однако сзади слышался голос директрисы:

– Забыла вас спросить, Дарья Николаевна.

Лёню и Гулю как ветром сдуло.

Даша сделала шаг навстречу начальству.

– Может, по пути в столовую? Есть хочу зверски.

Директриса кивнула.

– Пойдёмте, я тоже проголодалась. – Они двинулись по коридору. – Простите за педантичность, но... Глеб Михайлович не забыл, что в пять у нас педсовет?

– С утра помнил, Зинаида Павловна. Обещал быть.

– Точно?

– Как в аптеке. Не сомневайтесь.

– Конечно, я не сомневаюсь, но... Дарья Николаевна, не могли бы вы ему позвонить и напомнить еще раз. На всякий случай.

Сквозь толчею учеников они продвигались к столовой, и Даша боролась с искушением дёрнуть начальство за косу, нелепо обрамлявшую затылок.

Глеб наспех перекусил и вновь уселся за машинку. В ожидании Светки Сычовой он облачился в рубаху и заправил её в джинсы.

На кухонном столе валялись клочки бумаги, среди которых выделялась тонкая пачка листов с текстом, не подвергнутому экзекуции. Колотя по клавишам машинки, Глеб услышал звонок, затем – ещё один.

– Иду, Сычова, иду, – пробормотал он, поднимаясь с табурета.

Оказалось, звонили не в дверь – звонил телефон на холодильнике. Взяв трубку, Глеб буркнул:

– Зоопарк слушает.

Приятный мужской голос произнёс по-английски:

– Добрый день. Могу я поговорить с лордом Грином?

Брови Глеба удивленно приподнялись.

– Нет ничего проще, – по-английски ответил он. – Какими судьбами, барон Мак-Грегор?

– О, сэр! – обрадовался его собеседник. – Простите, не узнал вас!

Глеб смахнул со стола в корзину свои творческие неудачи.

– Богатым буду. Рад слышать вас, барон.

– Ловлю на слове, – хохотнул голос в трубке. – Могу я заглянуть к вам для приватного разговора?

– Разумеется, Ричард. Где вы находитесь?

– Посмотрите в окно, сэр.

Выполнив это указание, Глеб увидел у подъезда голубой «вольво», рядом с которым стоял господин средних лет в костюме и плаще, сидевших на нём, будто накрахмаленные. Держа возле уха сотовый телефон, господин этот помахал Глебу рукой.

– Автомобиль ваш собственный? – любопытствовал Глеб.

– Напрокат взял. – Господин похлопал по кабине «вольво». – В Москве я на неделю, покупать смысла не было.

– Что ж, Ричард... Поднимайтесь, у меня мало времени.

– О, лорд Грин, разумеется! Надолго вас не задержу. – С этими словами невысокий накрахмаленный человечек засеменил к подъезду.

Услыхав щелчок подъехавшего лифта, Глеб открыл дверь.

– Но будь любезен, Ричард, – произнёс он раздражённо, – брось к чертям эти титулы.

Барон улыбнулся.

– С удовольствием, Майкл. – Он потоптался в прихожей и с любопытством заглянул на кухню. – С превеликим удовольствием.

– Не снимешь ли плащ? – предложил Глеб.

– Излишне. Ты спешишь, да и я... – Барон вошёл в комнату и огляделся. – Как ты живешь в таком убожестве, Майкл?

Глеб пожал плечами.

– Полгода назад, Ричард, ты об этом уже спрашивал. С тех пор ничего не изменилось. Во всяком случае, к худшему.

Барон лукаво прищурился.

– Но теперь, Майкл, мне известно, что ты Мангуст. И теперь, как и тогда, меня не покидает ощущение, – барон отдёргнул на окне штору, – что ты прячешь здесь даму.

Глеб удивлённо на него посмотрел.

– Не знаю, Ричард, то ли смеяться, то ли вытолкать тебя взащей.

Пергаментное лицо барона и вся его крахмальная фигурка выразили раскаяние.

– Извини, Майкл: эйфория. С тех пор, как ты позволил мне сбежать и разгромил наше тайное братство...

– В которое ты настойчиво упрасивал меня вступить, – ехидно вернул Глеб.

Барон нимало не смутился.

– С тобой мне было спокойней. Но теперь, когда кошмара этого более не существует, от избытка свободы я веду себя порой, как мальчишка. Прости, Майкл. И огромное спасибо.

Глеб улыбнулся.

– Принято. Итак, чем обязан?

Помедлив с ответом, барон щёлкнул пальцами. Из его пальцев взметнулись огоньки пламени.

– Теперь, Майкл, – проговорил он с довольным видом, – мы можем друг друга не стесняться, не так ли? Причины тебя побеспокоить у меня две. – Пламя трепетало на пальцах

барона. Из кармана его плаща выпорхнула пачка сигарет и повисла в воздухе. – Причина первая. – Из пачки вылетела сигарета и воткнулась барону в губы. – Надеюсь, Майкл, ты сможешь отыскать моих друзей.

Глеб со вздохом присел на диван.

– Ближе к делу, Ричард. Оставь дешёвые трюки.

Сжимая сигарету зубами, барон пробормотал:

– Не обращай внимания: эйфория свободы. – Он поднёс к сигарете пылающие пальцы, но пламя погасло. Барон вновь щёлкнул пальцами – посыпались искры, и вспыхнуло пламя, которое он вновь поднес к сигарете. Пламя погасло опять. – Что за чёрт?! – Барон сердито стал щёлкать пальцами, однако, на сей раз, даже искорки не высек.

Глеб взглянул на часы.

– Теряем время.

Раздосадованный барон достал из кармана зажигалку и попытался извлечь огонь обычным способом. Огонь не загорался. Барон вновь помянул чёрта, но, сколько ни щёлкал зажигалкой, та не срабатывала.

Внезапно зажигалка вырвалась из руки барона и упорхнула в форточку. Следом за ней устремилась сигарета с оставшейся пачкой. Барон оторопело на это взирал.

– В моём доме не курят, – сказал Глеб. – Перейдёшь ты наконец к делу?

Опомнясь, барон погрозил ему пальцем.

– Ах, Майкл!.. Ладно, причина первая. Тебе что-нибудь

говорит фамилия Ньюгарт?

Глеб пожал плечами.

– Я должен её знать?

– Возможно. Джордж и Люси Ньюгарты – биохимики из Манчестера. Они сейчас где-то в Москве.

– Не слыхал, Ричард. Мало ли в Москве иностранцев.

– Майкл, это мои друзья. Я их разыскиваю.

– Чем могу помочь? Обратись в местную милицию, в британское консульство...

– Какое к дьяволу консульство?! – в досаде перебил барон. – У них неприятности с Интерполом! Я должен их вытащить!

Глеб откинулся на спинку дивана.

– Похоже, Ричард, ты опять имеешь на меня виды.

Барон уставился в пол.

– Просто помоги их разыскать.

– Любопытно, как? Если даже Интерпол их найти не в силах.

– У меня есть номер их мобильного телефона.

– Так какого же чёрта...

– Там никто не отвечает, Майкл, Србатывает автоответчик.

Глеб раздражённо поднялся с дивана.

– Ты остановился в «Метрополе», Ричард?

– Как обычно, – насторожился барон. – И что это нам даёт?

– Позвони своим Ньюгартам и продиктуй на автоответчик номер телефона портье: он примет для тебя сообщение. Ничего другого на ум не приходит. А сейчас извини...

– Погоди, Майкл, – засуетился барон. – Есть ещё одно дело.

– Только в темпе, Ричард. Самую суть.

– Да-да, в двух словах буквально. – Барон глотнул воздуха. – Здесь в музее этого... как его... Пуч-ки-на, да? Там висит картина Рубенса «Вакханалия». Она производит во мне такие волнующие вибрации... Майкл, помоги мне её украсть?

Глеб пристально на него посмотрел.

– «Вакханалию», значит? – уточнил он. – Из Пушкинского музея? Взять да украсть?

Барон кивнул.

– Ты ухватил суть, Майкл.

Глеб расхохотался.

– Чтоб мне провалиться: ведь ты не шутишь! Хватит молоть чушь, Ричард. Мне некогда.

Барон вздёрнул подбородок.

– И каков же ваш ответ, лорд Грин?

Глеб выразительно взглянул на дверь.

– Барон Мак-Грегор, ступайте в задницу.

Накрахмаленный человечек усмехнулся.

– Уверен, Майкл, ты передумаешь. Наверняка ты раздражен из-за женщины. Готов держать пари. – С этими словами

барон игриво распахнул дверцу старого шкафа.

И застыл как соляной столб.

Задняя стенка шкафа отсутствовала. За висевшей на плечиках одеждой раскинулся цветущий зелёный луг. Под сверкающим солнцем там пели птицы и порхали бабочки. Слева виднелся краешек леса, а справа, чуть подальше, серебрилась река. И всё это каким-то образом располагалось на уровне шестого этажа московского жилого дома.

Барон переводил взгляд со шкафа на Глеба, с Глеба на шкаф и, казалось, готов был рухнуть в обморок.

Глеб прикрыл дверцу.

– Боюсь, Ричард, в эйфории от свободы ты захочешь слишком далеко.

– Лорд Грин... Майкл... – залепетал барон, – ведь это же... то, что ты сотворил...

– Как видишь, это не женщина, – подвёл итог Глеб. – Уматывай, у меня дела.

Барон покорно засеменил в прихожую.

Тут раздался звонок в дверь. Глеб открыл, и в квартиру ворвалась Светлана Сычова в кожаной куртке на распахку.

– Извини, задержалась... – Она заметила стоящего за спиной Глеба господина. – Я не вовремя?

– В самый раз, – заверил Глеб.

Барон торжествующе произнёс (разумеется, по-английски):

– Всё-таки я был прав.

Глеб представил его Светлане:

– Барон Мак-Грегор, шотландский неотразимый мужчина. – Затем по-английски обратился к барону: – Капитан Сычова, московский уголовный розыск. Насчёт кражи картины проконсультируйся с ней. Полагаю, ход будет сильным, Ричард.

Хохотнув, барон проскользнул на лестничную площадку и по слогам произнёс:

– До свьи-да-ни-йя.

Глеб захлопнул дверь.

Светлана сняла куртку и повесила на крючок. Под мышкой у неё чернела наплечная кобура.

– Он правда барон?

– Стопроцентный.

– Откуда ты его знаешь?

– Долгая история. – Глеб постучал пальцем по стеклу своих часов. – Сычиха, время! Опоздаю на педсовет – Зинаида пасть мне порвёт.

Проходя на кухню, Светлана обронила:

– А за Сычиху – в ноздри.

– Покормить тебя? – предложил Глеб. – Только в темпе.

Светлана покачала головой.

– Я обедала. – Она взяла со стола бумажный лист и вслух прочитала: – «Капитан Сычова вышла из грязновато-красного «москвича». На ней было платье в горошек...»

Глеб выхватил у неё своё творенье.

– Что за хамство?! Кто тебя воспитывал?!

Светлана расплылась в улыбке.

– Даже фамилию не изменил, задница.

Глеб положил лист обратно в стопку.

– Фамилии поменяю, когда закончу. Выкладывай, что у тебя.

Светлана просительно протянула руку.

– Дай хоть страничку прочесть.

Глеб показал ей кукиш и прошёл в комнату. Вздохнув, Светлана последовала за ним. Она приоткрыла дверцу шкафа.

– Обалдеть! Никак не привыкну! Можно, мы со Стасом в выходной зайдем позагорать?

– Что за вопрос! – разозлился Глеб. – Не тяни резину, Свет: опаздываю!

Светлана присела на диван.

– Не дергайся. У подъезда Калигин – домчим тебя в лучшем виде. – Она усмехнулась. – На грязновато-красном «москвиче».

Глеб мерял шагами комнату.

– Времени всё равно в обрез. Приступай.

– Знаешь, теперь я как-то уже не уверена...

– Сычова, давай по-милиейски: голые факты.

Светлана провела рукой по коротким своим волосам.

– Утром за Дарьей увязался хрен на «мерседесе» – Куредов. Проследил её до школы и ломанулся дарить розы...

– Слушай, – Глеб тоже присел на диван, – если бы я разбирался с каждым Дашкиным вздыхателем, ни на что другое времени бы уже не хватило.

Серые глаза Светланы блеснули сталью.

– Этот Куроедов, между прочим, угрохал своего конкурента по бизнесу. Только не говори, что Дашка ему не конкурент.

Глеб кивнул.

– Понял, спасибо. Придётся за Дашкой присматривать. – Он поднялся с дивана. – Всё? Тогда помчались.

Светлана продолжала сидеть.

– Ещё кое-что. – Она помедлила. – Когда хрен этот залез в свою тачку, я сунулась в окно со стороны водилы и начала грамотно давить ему на мозги.

– Могу представить! – ввернул с улыбкой Глеб.

– Он, само собой, запсиховал, – продолжила Светлана. – И тогда... не считай меня фантазёркой, он стал окутываться чем-то вроде тёмного тумана или дыма... короче, как бы погрузился во мрак. Потом протянул ко мне руку мимо водилы... Глеб, рука его удлинилась, как раздвижная антенна, и меня толкнула. Ну и силища, я тебе доложу... И они уехали. – Светлана встала с дивана. – В общем, это всё. Можешь послать меня к доктору.

Улыбка на лице Глеба растаяла. Он положил руку Светлане на плечо.

– Сычиха, ты будешь меня слушаться?

Светлана посмотрела ему в глаза.

– Буду. Что надо делать?

– Не приближайся к нему.

Серые глаза Светланы смотрели растерянно.

– Ты понимаешь, что происходит?

Глеб качнул головой.

– Нет. Но, конечно же, мне это не нравится. Нужно собрать информацию.

Светлана нахмурилась.

– Какого же хрена я должна разевать варежку?

Глеб нахмурился так же.

– Я не говорю: не следи за этим Куроедовым! Я говорю: наблюдай на расстоянии, не суй нос в его машину и в другие интимные места! Не понятно разве?!

– Умеешь объяснить, – буркнула Светлана.

Они двинулись наконец к двери, надели куртки – и тут зазвонил телефон. Чертыхнувшись Глеб сдёрнул трубку с холодильника.

– Ты ещё дома! – возмутился голос Даши. – Каналья ты и bestия притом! Зинаида Павловна, слышали, как я его отчитала? – Рядом прозвучала невнятная воркотня директрисы, затем – вновь голос Даши в трубку: – Дуй сюда, чтоб пятки сверкали!

– Как ты там? – любопытствовал Глеб. – Поклонники не одолевают?

Светлана усмехалась в дверях.

Даша ответила:

– Какие на фиг поклонники? Тут учебный процесс. Кроме Лёньки с Гулькой, меня не одолевает никто.

Глеб хмыкнул.

– Против Лёньки с Гулькой я бессилен. – Дав отбой, он вернул трубку на холодильник. – Вперёд Светка! Горю синим пламенем!

Они выскочили из квартиры и, захлопнув дверь, помчались вниз по лестнице. Затем, после короткого спурта, нырнули в красный «москвич»: Светлана – на место рядом с водителем, Глеб – на заднее сиденье.

– Здравия желаю, товарищ майор! – проговорил он.

Алексей Колитин обернулся через плечо.

– Привет, Француз. Всё торопишься куда-то?

– Гони в школу, Лёш! – скомандовала Светлана. – Мигалку вруби: опаздываем!

Хмуро на неё покосившись, Алексей покатыл со двора.

– Капитан Сычова, кто здесь начальник, я или ты?

– Ты, Лёш, ты! Езжай шустрей!

– Если я начальник, Сычова, у меня вопрос: почему я тут извозчиком работаю?

Вопрос остался без ответа. Но, когда выехали на шоссе, Алексей всё же врубил мигалку. А Светлана задумчиво произнесла:

– Меня вот что интересует: кто такие Лёнька с Гулькой?

– О! – отозвался Глеб сзади. – Эт-то надо видеть!

После занятий Лёня Рюмин и Гуля Шарипова направились к метро. Солнце скрылось в тучах, но стояла теплынь, и куртки на ребятах были распахнуты. В отличие от большинства одноклассников Лёня и Гуля не носили за спиной ранцев – они шли, помахивая портфелями.

- Двигаем ко мне? – тряхнул чубчиком Лёня.
- Питаться и делать уроки? – уточнила Гуля.
- Имеешь что-то против, восточная женщина?
- Скучновато, бледнолицый брат.

Лёня выдержал паузу.

- Будешь капризничать?
- Ещё не решила. – Гуля извлекла из кармана сотовый телефон. – Ладно, поставлю в известность кишлак, чтоб розыск не объявили. – Набрав номер, девочка принялась отпрашиваться по-таджикски.

Жёлтых листьев на деревьях было много, они падали при порывах ветра. Однако и зеленых листьев было не мало, и они держались изо всех сил. Когда Гуля сунула телефон в карман, Лёня осведомился:

- Как там, в кишлаке?
- Требуют, чтоб я берегла честь. – Гуля потянула его за рукав. – Пошли, полно уроков. Тебе ещё стихи в стенгазету писать.

Лёня хлопнул себя по лбу.

– Чёрт, была же светлая мысль! – Он потянул Гулю в противоположную сторону. – Пошли на автобус.

– Зачем?

– Поехали к Сашке. Помнишь малявку, с которым нас Глеб познакомил?

– Конечно. И что с того?

– Гуль, из него стихи прут вот так! – Лёня щёлкнул пальцами. – Помнишь, Глеб нахваливал?

Гуля смотрела на него сердитыми карими глазами.

– Рюмин, знаешь, ты кто? Ишачий ты сын.

– Но-но, мой папа не ишак, а чекист. Прошу не путать.

– За папу извиняюсь. Но сам ты... Этот Саша, по-твоему, спит и видит, как бы настрочить в стенгазету?

Лёня разозлился.

– А по-твоему, я сам стихи напишу?! – Он постучал себя по лбу. – Не моя, Гуль, область!

– Тогда отболтайся.

– Ну да, у Виктории отболтаешься! Припомнит потом по случаю... Поздняк метаться. Едем к юному дарованию. – Лёня зашагал к остановке.

Гуля его догнала.

– Адрес хоть помнишь?

– Если б не помнил, – буркнул Лёня, – не вылез бы со стихами. Хватило бы ума.

Тут подошёл автобус, и ребята, пробежавшись, в него

вскочили. Ехать предстояло минут двадцать, до остановки «Дом Игрушек», но свободных сидений, слава Богу, хватало. Пропустив Гулю к окошку, Лёня принялся развлекать её беседой, состоявшей в основном из перемалыванья мелких школьных событий. Когда они вышли из автобуса, моросил дождик.

– Могли бы завтра заехать, – поёжилась Гуля.

– Нет уж. – Лёня уверенно двинулся по асфальтовой дорожке, петляющей меж домов. – Если филонишь, надо филонить грамотно. Мало ли что завтра случится.

Они приблизились к дому, где проживал девятилетний поэт Саша. И картина, представшая их взорам, была, мягко сказать, удручающей. «Юное дарование» стояло, прижавшись к стене школьным ранцем, под ветвями желтеющего клёна. В руках «юного дарования» билась перепуганная кошка, а трое мальчишек лет одиннадцати агрессивно на них наседали. На Сашу и кошку то есть. Один из агрессоров держал пластиковую бутылочку, наполненную, похоже, водой. Двое других – размахивали жестяными банками пива. И тот, у которого была вода, совал её Саше в лицо.

– Не ссы, тормоз, глотни! Прикольно будет!

Саша отчаянно отбивался ногами. И кошка, будто с ним заодно, норовила цапнуть противников лапой. Дождик усилился, народу вокруг не было ни души.

Лёня с Гулей переглянулись.

– Что за пассаж? – пробормотал Лёня. – И какой в нём

смысл?

– Стоять будем?! – сверкнула глазами Гуля. – Посмотрим и порассуждаем, да?!

Лёня хмыкнул.

– О'кей, вдарим по мелкоте! – Он зашагал к арене действий. – Эй, шелупонь! Ну-ка, брысь!

Взгляды мальчишек обратились на него. На лицах нападавших не было ни испуга, ни растерянности – только злость.

– Что ещё за крендель? – ослабилась один из них, хлебнув пива.

– Клизму захотел! – предположил другой, державший воду.

Эти мальчишки учились, вероятно, в классе шестом, а Лёня Рюмин – в десятом. Но ему стало не по себе.

– Пошли вон, – произнёс он без должной уверенности.

Мальчишка вновь хлебнул пива.

– Ну, давай, прогони нас!

Повисло молчание. Прижатый к стене Саша, пользуясь передышкой, отпустил кошку. Кошка с удовольствием дала дёру. Никто её не преследовал.

– Ну так чё, крутой? – скалился на Лёню шпанёнок с пластиковой бутылкой. – Махаться будем или как?

Героем Лёня не был. Но за спиной у него стояла Гуля. К тому же «юное дарование», освободясь от кошки, заехал ближайшему придурку по скуле. И Лёня ринулся в битву: в одной руке – портфель, в другой – неукротимая ярость. Тут

и Гуля кинулась на подмогу.

– Прочь, шакалье дерьмо! Уши поотрываю! – вопила она.

Саша, подросший за лето, но всё такой же худой и вихрастый, с немой свирепостью орудовал кулачками. Получилось, так сказать, трое на трое. Шпанята, однако, оказались увёртливы и сильны не по возрасту, и не известно, чем бы эта свара закончилась, если б мимо не проехал милицейский патруль. Даже не глянув на драку, менты покатили дальше. Но шпанята задали стрекача, и вожачок их прокричал:

– Запомним вас! Ещё встретимся!

– Хоть сейчас! – хорохорился Лёня, отряхивая брюки. И, не получив ответа, с облегчением обратился к Саше: – Ну, что тут у вас за дела?

Саша поправил на плечах ранец.

– Куртку порвали, падлы. От бабушки влетит.

Гуля потрогала его рукав.

– Чего они хотели, Саш? Кошка твоя?

Саша мотнул вихрастой головой.

– Кошку они хотели из бутылки напоить. Она верещала, а я проходил мимо и... В общем, выхватил кошку – и драпать. Они – за мной. Обступили и тычут бутылкой в рожу. «Выпей, – говорят, – отпустим.» – «Щас, – говорю, – разбежался!» Они ржут: «Думаешь отрава?» И глотнули по очереди. Я послал их подальше. Тут вы нарисовались.

Гуля застегнула пуговку на его рубашке.

– Что в бутылке-то? Пахнет чем?

Саша чуть подумал.

– Ничем. Вода, вроде.

– Ну и выпил бы, – усмехнулся Лёня. – Великое дело.

Саша бросил на него взгляд.

– Ты дурак?

У Лёни покраснели уши.

– Но-но, малявка, фильтруй базар. Они же пили, сам говоришь. А тебе, что ли, гордость не позволяет?

Саша вновь подумал.

– Лёня, – сказал он, – я не делаю того, что меня заставляют делать.

Лёня раздражённо тряхнул чубом.

– Слушай, бэби, сколько тебе лет?!

Гуля пихнула его портфелем.

– Помнишь, за чем мы пришли?

Лёня вздохнул.

– Саш, у меня к тебе просьба...

– Заходите в дом, – пригласил Саша. – Посидим, чайку попьем.

Гуля шагнула к подъезду, но Лёня покачал головой.

– Спасибо, нет времени. Уроков до черта. А тут ещё задали стих об осени написать. Вот я и подумал: если б ты помог...

– Нет проблем. – Сашину мордашку озарила улыбка. – Ты ведь, блин, мне жизнь спас.

Гуля хихикнула. А Лёня так и взвился.

– Слушай, не хочешь – не надо! За спрос денег не берут.

– К какому дню? – уточнил Саша. – Об осени, так об осени.

– Ко вторнику, – воспрял духом Лёня. – В понедельник мы могли бы к тебе заехать и забрать. Сделаешь?

Саша кивнул.

– Заходите в понедельник.

Лёня отсалютовал, развернулся и пошёл.

Гуля потрепала Сашу по вихрам.

– Пока, вундеркинд. – И двинулась за Лёней.

– Гуль! – окликнул её мальчик. – Ты заметила, что эти оглоеды как бы дымились.

Гуля растерянно обернулась.

– Не выдумывай.

Лёня так же остановился и воззрился на Сашу.

– Капал дождик, – сказал он, – на них падала тень от дерева... Оптический эффект.

– Какая тень?! – возмутился Саша. – Чёрный дымок их окутывал. Они были как бы в сумраке.

Лёня хохотнул.

– Неплохо для юного дарования. Развей этот образ. Гуль, погнали, а то пролетим с уроками.

Гуля помахала Саше рукой.

– До понедельника! – И поспешила прочь.

– Гуль! – крикнул Саша. – Ты заметила, я знаю!

Мальчик вошёл в подъезд, поднялся на свой этаж и по-

звонил в квартиру. Открыла ему горбатая старушка с усталым лицом.

– Где тебя носило? Обед остыл. – Она заметила порванную куртку. – Господи, опять дрался! Когда это прекратиться?!

– Ба, отстань, – буркнул Саша раздеваясь.

– Что значит «отстань»?! – возмутилась старушка. – Одежда на тебе горит прямо, не напасёшься!

Из-за спины старушки выглянуло пятилетняя девочка с плюшевым медведем в руках.

– Ой, какой чума-азый! – пропищала она. – Как поросёнок.

Саша хмуро на неё покосился.

– Отвали, Танька. Пока не схлопотала.

Танька тоже подросла за лето. Она перестала в разговоре путать буквы «р» и «л» и чётко произнесла:

– Вредный и противный! Майкл, – обратилась она к медвежонку, – дай ему по роже!

Плюшевый мишка сохранял невозмутимый вид и, судя по всему, приказ этот выполнять не собирался. Саша, однако, отреагировал с неуместным пылом:

– Заткнись, болтушка! Прикуси язык!

Бабушка всплеснула руками.

– Как ты стал разговаривать! Грубости да хамство! Вот позвоню сейчас Глебу...

– И я позвоню Глебу! – ввернула Танька. – И скажу, как

ты обзываешься!

Мальчик швырнул ранец в угол.

– Отстаньте обе! Надоели! – Он захлопнул за собой дверь комнаты. – Звоните кому угодно!

– Шучу, думаешь?! – крикнула из-за двери бабушка. – Сию же минуту звоню Глебу!

Она подошла к телефону, набрала номер и, выслушав семь долгих гудков, повторила набор. Затем старушка положила со вздохом трубку и отправилась на кухню разогревать обед.

Саша не слышно возник у неё за спиной.

– Ну как, позвонила?

– А как ты думал? – гроыхнула посудой бабушка. – Не подходит у него никто.

– Само собой, – кивнул мальчик. – Станет он дома расслаиваться.

Бабушка хмуро обернулась.

– Думаешь, такое поведение сойдёт тебе с рук? Не надейся: попозже позвоню опять.

Саша улыбнулся.

– Давай-давай. Удачи тебе.

С опозданием на десять минут Глеб вбежал в пустынный вестибюль. Охранник сонно ему кивнул.

– Началось? – Глеб снял на ходу куртку.

– Что? – зевнул охранник.

– Педсовет, Петя. Что же ещё?

– Мне лично не докладывали.

Глеб метнулся было в раздевалку, однако, заметил приближающуюся директрису. На ней было пальто, форма и цвет которого могли бы повергнуть в ужас обитателей зоопарка. А жиденькую косу вокруг затылка прикрывал такой симпатичный платочек, что, как говорится, ни в сказке сказать, ни пером описать.

– Опаздываем, Глеб Михайлович! – упрекнула она. – Как всегда, опаздываем!

Глеб удивленно сверился с часами.

– Неужто успели закончить?

С улыбкой Джоконды директриса похлопала его по плечу.

– На ваше счастье, дорогой мой, педсовет отменился. Меня срочно требуют в министерство.

Она собралась проследовать к выходу, но Глеб непочтительно придержал её за локоть.

– Как это отменился? Зинаида Павловна, вы дернули меня в мой выходной и полагаете, в этом моё счастье?

Бледные щёки директрисы порозовели.

– Поверьте, Глеб Михайлович, для меня самой этот вызов – как гром среди ясного неба. Но министерству я условий не диктую, а педсовет наш...

– Плевал я на министерство!

– ...педсовет мы легко перенесём на следующий четверг.

Молодой охранник, стряхнув сонливость, наблюдал эту пикантную сцену.

– Что-о?! – взревел Глеб. – Опять на четверг?!

Директриса смотрела с вызовом.

– Четверг, Глеб Михайлович, наиболее удобен для большинства преподавателей!

– Вот и отлично! Заседайте без меня!

– Нет, Глеб Михайлович, мы будем заседать с вами! Пустите руку, я опаздываю! В отличие от вас я к этому не привыкла!

Глеб смущенно её отпустил.

– Извините. Только на педсовет я не явлюсь.

– Явитесь как миленький!

– Посмотрим!

Со второго этажа по лестнице сбежал учитель физкультуры. Его рыжие кудри были расчёсаны, а веснушки раздвинулись в улыбке.

– Вот и ты! – приветствовал он Глеба и крикнул, задрав голову: – Даш, спускайся: он здесь! – И прошагал к двери. – Едем, Зинаида Павловна. Успеете, не волнуйтесь.

Глеб полюбопытствовал:

– Ты куда, Стас?

Физкультурник приоткрыл входную дверь.

– Подброшу Зинаиду Павловну до министерства.

– Карьеру делаешь? – съязвил Глеб.

– Кто запретит? – подмигнул Стас, выходя.

Глеб буркнул вдогонку:

– Подпевала кулацкий!

– Как остроумно! – прокомментировала директриса, задержавшись на выходе. – А на педсовет вы придете, иначе... иначе в нос дам! – Дверь за ней захлопнулась.

Тут по лестнице с царственной неторопливостью спустилась Даша. Она была уже в плаще, и пепельная её грива трепетала на плечах при каждом шаге.

– Разбуянился. – Она взяла Глеба под руку. – Сключник и горлопан.

Глеб вздохнул.

– Зла не хватает. Летел сюда сломя голову, а мне говорят: «Спасибо за попытку. Ну-ка, ещё разок».

Даша прыснула.

– Кошма-ар!

Простившись с охранником, они вышли. Мелкий дождик не прекращался. Даша подняла воротник плаща.

– А утром, – сказала она, – было солнце и были розы.

Глеб кивнул с комичной серьезностью.

– Наслышан.

– Сычова стукнула?

– Кто ж ещё?

Они забрались в «жигуленок», Глеб включил «дворники» и лихо взял с места. Даша приклонила голову на его плечо.

– А у тебя что было интересного? Кроме скомканных листов.

Глеб усмехнулся.

– Меня посетил барон Мак-Грегор. Помнишь такого?

– А то! – Даша подняла голову с его плеча. – Что он хотел?

Сквозь дождь «жигуленок» мчался в транспортном потоке к дому.

– Он высказал два желания, – ответил Глеб. – Одно... Держись крепче, чтоб не упасть. Барон предложил мне украсть из музея «Вакханалию» Рубенса.

– Да ладно!

– Ей-богу.

В изумрудных Дашиных глазах сверкнули искорки.

– Любовь моя, надеюсь ты согласился?

Глеб кивнул.

– Угу, этой ночью и приступим.

Даша рассмеялась.

– Ладно. А второе желание?

– Второе не столь эффектно. Он хотел, чтобы я разыскал в Москве его английских друзей. Каких-то биохимиков.

Барон Мак-Грегор вышел из взятого напрокат «вольво». Вечерело. Дождь моросил беспрестанно. Ежась, барон вошёл в фойе «Метрополя». Публика здесь фланировала солидная, несуетливая и, главное, малочисленная. Портье за стойкой – в смокинге, с манерами виконта – приветствовал Мак-Грегора почтительным полупоклоном, изобразив радость от его лицецерения. Оно и понятно: барон не скупился на чаевые. Фойе было освещено, что называется, в театральной традиции: весьма празднично – для демонстрации нарядов и драгоценностей, однако не слишком ярко – чтобы скрыть гримировку на лицах дам.

У стойки дежурного барон приоткрыл рот для вопроса, но портье вопрос предвосхитил.

– Вам звонили, мистер Мак-Грегор, – доложил он на хорошем английском. – Пять минут назад. Женщина.

Барон, невысокий, чистенький и будто накрахмаленный, воззрился на служителя отеля. Портье, преданно глядя ему в глаза, молчал как рыба. Мак-Грегор извлёк из бумажника двадцатидолларовую купюру и припечатал ладонью к стойке.

– Имя, – потребовал он.

И дежурный доверительно сообщил:

– Назвалась Люси Ньюгарт.

Барон убрал руку со стойки, и купюра исчезла в кармане

портье. Мак-Грегор не сводил с него взгляда.

– Леди оставила адрес?

– Нет, сэр. Она перезвонит завтра между четырьмя и пятью часами.

Барон задумчиво массировал подбородок.

– Вы дежурите в это время? – осведомился он. – Или кто-то вас сменит?

Портье сверкнул улыбкой.

– Завтра я на месте до девяти вечера.

– О'кей, проследите за моими звонками.

– К вашим услугам, сэр.

Отойдя от стойки, барон подумал, что в этой стране сервис всё же налаживается. За спиной он услышал незнакомый голос:

– Мистер Мак-Грегор, не уделите ли мне три минуты своего драгоценного времени?

Обернувшись, барон увидел азиата неопределённого возраста с небольшим шрамом над левой бровью.

– Вам известно моё имя? – произнёс барон сухо.

Азиат с улыбкой поклонился.

– Случайно, мистер Мак-Грегор. Во-первых, я имел честь лететь с вами из Лондона одним рейсом. А во-вторых...

– Не припомню вас, – бесцеремонно перебил барон.

– Вероятно, потому, сэр, что для вас мы японцы все на одно лицо. – Незнакомец поклонился с той же улыбкой. Его английский был вполне сносен. И ростом японец был столь

невзрачен, что барон, который на каблуках едва достигал ста шестидесяти сантиметров, взирал на него сверху вниз. – А во-вторых, – продолжил японец, кивнув на портье, – этот бой назвал вас по имени. Простите, мистер Мак-Грегор, я не заткнул уши.

Барон усмехнулся.

– И что же вам угодно, мистер... Э-э...

– Этот бой, – кивнул японец на портье, – произнёс имя Люси Ньюгарт, которое, как я понял, хорошо вам известно. Я тоже биохимик, мистер Мак-Грегор. Мы с Люси и Джорджем не знакомы, хоть и работаем в смежных областях. Я надеюсь с ними встретиться. Разумеется, если вы, мистер Мак-Грегор, сообразоволяете мне в этом содействовать.

Барон пристально смотрел на японца.

– Вы остановились в этом отеле?

– Да, сэр. Иначе как бы получил счастливую возможность встретить вас снова?

– Простите... Э-э... как вы сказали ваше имя?

Шрам над бровью японца чуть покраснел.

– Моё имя ничего не скажет вам, мистер Мак-Грегор. С Люси и Джорджем я так же не знаком, хоть считаю их лучшими в нашей области. Когда полгода назад они были в Токио на конгрессе, я не имел возможности засвидетельствовать им безграничное моё восхищение. Зато теперь с вашей помощью, надеюсь... У меня неплохая частная лаборатория, мистер Мак-Грегор. Я намерен сделать Люси и Джор-

джу предложение, которое, уверен, их заинтересует.

Барон массировал подбородок.

– Что за предложение?

– При всём уважении, мистер Мак-Грегор, – японец поклонился, – я не предполагаю в вас специалиста в данной области науки. Вряд ли я сумею растолковать вам суть проблемы. Своё предложение я готов озвучить лишь перед Люси и Джорджем. В вашем присутствии, если угодно. Должен, однако, заметить, мистер Мак-Грегор, времени у нас мало: сделка может расстроиться.

Барон вставил в рот сигарету и задумчиво задержал возле неё руку.

Японец безмятежно улыбался.

– Такое впечатление, мистер Мак-Грегор, будто вы собираетесь высечь огонь из пальцев.

В смятении барон принялся хлопать себя по карманам.

– Глупости... Просто зажигалку потерял, выронил из окна... Как вы узнали, что Ньюгарты в Москве?

Лицо японца было непроницаемым. Он достал свою зажигалку, щёлкнул и дал барону прикурить.

– Всегда ношу с собой. На всякий случай. А разве они не в Москве, мистер Мак-Грегор? Из вашего разговора с портье я понял, что...

– О'кей. – Барон махнул дымящей сигаретой. – Я проинформирую Джорджа и Люси, что их коллега просит о встрече. Думаю, возражать они не будут.

Шрам над бровью японца вновь покраснел.

– Когда мне ждать ответа, сэр?

Барон сделал неопределённый жест.

– Ну, в общем... Мы остановились с вами в одном отеле.

В каком вы номере, кстати?

Японец поклонился, скрывая выражение глаз.

– Я сам разыщу вас, мистер Мак-Грегор. – Он направился к лифтам и, не оглядываясь, обронил: – Будьте осторожны: здесь курить запрещено.

– Не турнут же меня за это, – пробормотал барон. – Хотел бы и сам я знать, где эти чёртовы Ньюгарты.

Погружённый в размышления, он расхаживал по фойе, дымя сигаретой. Разумеется, его не турнули.

Супруги Ньюгарты, послужившие поводом для знакомства Мак-Грегора с низеньким японцем, нашли приют на подмосковной даче в Голицино. Дача была столь роскошной, что дом их в Манчестере по сравнению с ней выглядел жалкой лачугой. И биохимическая лаборатория, которую отгрохал супругам владелец дачи в двух смежных комнатах, могла бы вызвать зависть у большинства коллег. Но Джордж и Люси окрылёнными себя не ощущали, хоть проводили в лаборатории по шестнадцать часов в сутки. Обстановка и окружение действовали им на нервы. Однако в положении супругов, как они его понимали, выбирать особо не приходилось.

Джордж, мужчина лет пятидесяти, имел солидное брюшко и плешь, вокруг которой курчавились светлые волоски. На лице его выделялись голубые глаза и нос картошкой – типичная рязанская физиономия. Тем не менее Джордж был, что называется, чистокровным англичанином.

Люси, дама сорока пяти лет, худосочная, высокая, с орлиным профилем, смотрелась как истинная британская леди, хоть в девичестве носила фамилию Куроедова. То есть Владимир Куроедов являлся её племянником и владельцем дачи одновременно. И это обстоятельство отнюдь не улучшало настроения супругов.

– Надоел он мне, – заявил Джордж, уставясь в окуляр мик-

роскопа. – Осточертел, как пудинг тётушки Мэг. Дай-ка образец три-один-S.

Люси подала ему предметное стёклышко с лоскутком шерсти, пропитанной экспериментальным раствором.

– Но Джордж, – возразила она мягко, – ведь он столько для нас делает. Мы здесь в таких условиях...

– Как в тюрьме. – Джордж изучал под микроскопом поданный лоскут. – Так-так... Структура обозначилась... Но как-то смутно. Люси, он не для нас старается, а для себя. Надеется хапнуть на моём красителе.

– Дорогой, ведь это естественно. Владимир вложил в нас такие деньги... При том учти: он успешно торгует автомобилями и мы не единственный свет в его окошке. – Люси аккуратно раскладывала на лабораторном столе стёклышки с образцами материи. – Он богат и не мелочен, дорогой. Это покупает многое.

– Богат?! – возмутился Джордж. Кудряшки вокруг его плечи воинственно топорщились. – Когда я запатентую СКН, в сравнении с нами он будет выглядеть нищим и хорошо это знает! Потому и пускает слюни!

Наклонившись через стол, Люси погладила мужа по голове.

– СКН ещё надо создать, дорогой. У нас много работы. Джордж оторвался от окуляра микроскопа.

– Хочу домой, в Манчестер.

Люси опустила взгляд.

– Будь умницей, дорогой. Это невозможно.

Помолчав, Джордж произнёс в досаде:

– Тогда устрой так, чтоб твой чокнутый племянник не попадался мне на глаза.

– Джордж, не выдумывай. Он не чокнутый.

– Чокнутый, чокнутый. Особенно – последний месяц. Возбуждён точно под кайфом, взгляд бегает... Не замечала?

Люси пожала плечами.

– Ерунда, наркотиков он не употребляет. Ты переутомился, дорогой. Может, отдохнём денёк? Кстати, я звонила Ричарду в отель – не застала. Поговорила с портье.

Лицо Джорджа оживилось.

– Оставила Ричарду адрес?

Люси покачала головой.

– Не думаю, что это благоразумно.

– Чушь! – отмахнулся Джордж. – Я хочу видеть Ричарда!

Когда позвонишь ему в следующий раз...

Тут в лабораторию ввалился Куроедов с начальником охраны и двумя амбалами. Племянник был в шёлковом халате с драконами, обвивавшими хвостами его обильные телеса.

– О чём трёп? – спросил он по-английски. – Не обо мне ли?

– Много чести! – отозвался Джордж, взирая в микроскоп. – Не могли бы вы отсюда убраться?

Куроедов с усмешкой тряхнул длинными волосами.

– Ах, дядюшка! За что вы меня так не любите?

– Чёрт лысый тебе дядюшка! – буркнул Джордж.

Приблизившись к племяннику, Люси наклонилась, будто собиралась клюнуть его своим орлиным носом.

– Не обижайся, Володя, – проговорила она по-русски. – Джордж устал и не в духе.

Куроедов потрепал тётку по плечу.

– Твой Джордж всегда не в духе. – Толстяк казался на-веселе. Его покрасневшие глаза словно увеличились в объёме. – Но всё равно, тётя Людочка, я обожаю старину Джорджа. Вы приготовили мне бульон? – Субстанцию, Володя, – поправила Люси. – Приготовили. Но зачем она тебе в таком количестве?

– Растения поливаю, тётя Людочка. Эксперимента ради.

Джордж обратил взор на жену.

– Что он там болтает? – Когда Люси перевела, Джордж хмыкнул. – Растения, как же. Не удивлюсь, если он субстанцию пьёт.

Куроедов хмыкнул в ответ.

– Странные мысли, дядюшка! – И обратился к тётке по-русски: – Где бульон?

Люси указала на пластиковые канистры. По кивку племянника начальник охраны и амбалы, взяв канистры, направились к выходу.

– Момент! – Заступив дорогу начальнику охраны, Джордж стал разглядывать его оттопыренные уши на фоне

света лампы. – Интересный материал. Стоит попробовать.

Губы Люси дрогнули в улыбке.

– Дорогой, прекрати.

– Что прекратить? – Выпятив брюшко, Джордж изучал физиономию полковника МУРа в отставке. – Я и не приступил ещё.

Начальник охраны взглянул на своего босса.

– Володь, что ему надо?

Куроедов хохотнул.

– Хочет уши твои покрасить. Может, согласимся, Гаврилыч?

– Не сегодня. – Гаврилыч отодвинул Джорджа плечом и вышел.

Вслед за ним удалились амбалы с канистрами.

Куроедов задержался на пороге.

– Когда ждать результатов, родственники? – по-английски осведомился он.

– Скоро, – пообещала Люси.

– Денёк – другой? Не так ли, тётя?

Склонясь над микроскопом, Джордж буркнул:

– Прекратите на нас давить. Мы не подёнщики.

Глаза Куроедова покраснели ещё более, грудь его вздымалась под шёлковым халатом.

– Мы делаем, что можем, Володя, – пробормотала Люси по-русски. – Это в наших интересах, ты должен понять.

После некоторой паузы Куроедов произнес:

– Понимаю, Людмила Петровна. Но дело в том, что у меня появилась сногсшибательная девушка. Я хочу надеть на неё платье, какого нет ни у кого. Поторопитесь, иначе я потеряю терпение. – С этими словами он вышел.

Джордж с тревогой смотрел на жену.

– Что он сказал?

– У него новая девица, – перевела Люси. – Он хочет подарить ей платье.

Голубые глаза Джорджа негодуяще блеснули.

– Мы должны обслуживать его шлюх?!

– Вопрос так не стоит, дорогой.

– Именно так! – Джордж заметался между пробирками. – Говорю тебе, он чокнутый! Вспомни его взгляд!

Люси поймала мужа в объятия и поцеловала в плешь.

– Ты переутомился. Отдохни.

Сердито сопя, Джордж разомкнул её руки и вернулся к микроскопу.

– Дай мне образец три-один-т. И позвони завтра Ричарду, оставь наш адрес.

24 сентября, пятница

1

В семь утра, перед уроками, Глеб настукивал на машинке. Он был в джинсах, в синей рубаше и в кроссовках. Даша, одетая на сей раз в строгое серое платье и с волосами, стянутыми в «конский хвост», сидела за кухонным столом и правила напечатанный текст.

– Господин с тросточкой, господин с тросточкой... – проворчала она. – Слишком часто. Здесь можно просто Хлыстин: короче и энергичней.

Глеб кивнул, продолжая печатать.

– Исправь.

За окном было пасмурно, но дождь не шёл. И всклокоченная ворона скандально каркала в форточку.

– И жест героя, – добавила Даша, – когда он рвёт список и бросает в канализацию, надо бы подкорректировать. Пусть положит список в карман.

Глеб оторвал взгляд от машинки.

– Зачем?

– В качестве улики.

– Вот уж фиг!

Даша улыбнулась.

– Ладно, это я так. Разговор поддержать.

Оба они рано позавтракали и готовы были к выходу на работу. Глеб вновь затархтел по клавишам.

– Видал я такие разговорчики. Уволю к лешему.

– Ха! – сказала Даша. – Кого уволишь – Дашеньку?!

Лежащий рядом с машинкой телефон зазвонил. Глеб в досаде выдернул испорченный лист, скомкал и взял трубку.

– Доброе утро, лорд Грин! – произнёс по-английски знакомый голос. – Простите, что беспокою, но мне известно, как рано вы встаёте.

Глеб возвёл глаза к потолку.

– Опять ты за своё, Ричард! – буркнул он по-английски. – Оставь этих «лордов» и «баронов». Если уж ты меня беспокоишь, бери быка за рога.

Заинтересованная Даша прижала к трубке ухо. В голосе барона Мак-Грегора прорывалось скрываемое волнение.

– Майкл, не могли бы мы встретиться?

– Зачем?

– Видишь ли... я не хотел бы об этом по телефону.

Глеб вздохнул.

– До середины дня, Ричард, я занят...

– Превосходно, – ввернул барон, – давай встретимся в четыре у меня в номере. Согласен? Много времени я не отниму.

Глеб и Даша переглянулись.

– Нет уж, – обречёно произнёс Глеб, – встретимся в фойе

«Метрополия». В четыре часа. Но, Ричард, ты обещал: ненадолго.

– Конечно, Майкл, – обрадовался барон. – До встречи. – Из трубки послышались гудки.

Зелёные глаза Даши смотрели внимательно.

– Что у него за проблемы?

Глеб пожал плечами.

– Может, сорвалось ограбление музея.

Даша фыркнула.

– Брось. Серьёзно.

– К чему гадать? Узнаем. – Глеб вновь принялся печатать.

Даша взглянула на часы.

– Скоро нам выходить.

– Угу, – подтвердил Глеб.

Даша прошла по кухне.

– У школы небось меня поклонник ждёт.

– Извинимся. – Глеб барабанил по клавишам. – И оплатим ему вынужденный простой.

– Наверняка он с цветами, – предположила Даша. – Какие были розы!

– Надеюсь, – отозвался Глеб, – сегодня он с бриллиантами. Должно же быть какое-то развитие.

Даша обняла его сзади.

– А ты, морда, не дарил мне ни цветов, ни драгоценностей.

Глеб хмуро изучал напечатанный текст.

– Оно тебе надо?

– А то! – вздохнула Даша. – Хочу купаться в бриллиантах.
Глеб с усмешкой на неё покосился.

– От этой мании, Лосева-Грин, легко излечиться. – Прикрыв глаза, он слегка задержал дыхание.

– Что ты задумал? – насторожилась Даша.

В этот момент из ванной послышался грохот, не смолкавший несколько секунд. Когда шум прекратился, Даша взяла Глеба за уши и развернула к себе.

– Слушай, ты ведь знаешь: я трусиха.

– Загляни туда, не бойся, – предложил Глеб.

Выйдя с кухни, Даша опасливо приоткрыла дверь ванной и включила свет... Из груди её вырвался возглас, неподдающийся описанию. Понять её было можно, ибо зрелище оказалось не для слабонервных.

Ванна до краёв полна была огранёнными драгоценными камнями всевозможных цветов и оттенков: от чёрного до фиолетового. А размеры камней... Господи! Самые мелкие были с грецкий орех. И сверкало всё это так, что глазам было больно. Будто замороженная, Даша протянула к сокровищам руку.

– Что это? – бестолково спросила она.

Глеб не ответил: он печатал на машинке.

Даша проорала:

– Что это такое, морда?!

Стук машинки примолк.

– Только бриллианты, рубины, изумруды и сапфиры, –

отозвался голос Глеба. — Загляни в туалет.

Даша выполнила это указание. Затем издала нервный смешок, перешедший в хохот. Унитаз, насколько Даша понимала в семечках, был из чистейшего золота и по окружности инкрустирован всё теми же драгоценными камнями.

Сгибаясь от смеха, Даша кинулась на печатающего Глеба.

— Убери это, засранец! — колотила она его по спине. — На них же задницу раздерёшь! Верни фарфоровый унитаз!

Глянув на часы, Глеб присвистнул.

— Всё, помчались! Не то Зинаида в асфальт меня закатает.

— Любовь моя, Убери всё на фиг! Или я засуну тебе эти брулрики...

Возникший шум был теперь едва слышен.

— Убрал, Даш. Бежим. — Глеб ринулся в прихожую и надел куртку.

Даша, однако, заглянула в туалет и в ванную. Убедившись, что всё вернулось на свои места, она посмотрела мужу в глаза.

— Ты ведь знаешь, что я пошутила.

Глеб кивнул.

— Разумеется. Я лишь укрепил твой дух.

— Дух?! — Смеясь, Даша вышла на лестничную площадку. — Это называется «укрепить дух»?!

Глеб подтолкнул её к лифту.

— Шевелись. Опять опаздываем.

Когда они вышли из подъезда и сели в «жигулёнок», Даша

произнесла со вздохом:

– Знаешь, чего мне жаль?

– Чего?

– Что Сычовой ни камушка не досталось. Могла бы, дура, хоть ведёрко ей насыпать.

Выехав из подворотни, Глеб сказал:

– Дело поправимое. Может, и насыпешь к Рождеству.

На одном из московских задворков капитан Сычова и майор Калитин затаились в красном «москвиче». Сутулясь за рулём, Калитин поглядывал на часы.

– Уверена, что не кинет?

Упираясь коленом в «бардачок», Светлана отмахнулась.

– Не дёргайся, Лёш. Раз он сам на меня вышел – значит, какую-нибудь информацию сольёт.

– Думаешь, дельное что-то?

– Ой, Калитин, нам бы хоть шерсти клок! На месте топчемся!

– Это верно, – вздохнул Алексей. И в «москвиче» повисла тишина.

Вскоре, однако, из-за контейнеров с мусором вынырнул небритый субъект в спортивном костюме и вязаной шапочке. Двигался он крадучись, будто в шпионском боевике. Светлана перевела дух.

– Вот он, птенчик мой.

– Я от него торчу. – Алексей приоткрыл заднюю дверцу.

Субъект юркнул в «москвич» и просипел, запыхаясь:

– Сычиха, ты обещала приехать одна.

Светлана и Алексей, обернувшись, смотрели на него в упор.

– Мой напарник майор Калитин, – пояснила Светлана. –

Расслабься: он в порядке.

Субъект мотнул вязаной шапочкой.

– При нём разговора не будет.

Серые глаза Светланы блеснули сталью.

– Клоп, ты обкурился?

– Пусть он выйдет, – настаивал информатор. – Если он гнилой мент, мне кишки на шею наматают.

Перегнувшись через сиденье, Светлана сгребла его за грудки.

– Ты что, гнида, тут гонишь?! Если он гнилой мент...

– Капитан Сычова, без рук, – изобразил строгость Алексей.

Но Светлана так трясла информатора, что голова его болталась, как у тряпичной куклы.

– Если он гнилой мент – твоя песенка, Клоп, уже спета! Ведь братва по-любому узнает про наши с тобой встречи! Просекаешь, членосос?!

Пытаясь вырваться из цепких её пальцев, Клоп просипел:

– Лады, убери грабли.

Однако отпускать его Светлана не спешила.

– А если ты, клоповья рожа, вздумал нам тут впарить по дешёвке, я тебе не то что кишки...

– Лады! – заорал информатор. – Сычиха, отцепись!

Светлана брезгливо отряхнула руки.

– Ну?

Информатор поправил пропотевшую шапочку.

– Про гараж Волобуева слышали?

Алексей и Светлана обменялись взглядами.

– Ремонт иномарок, детали и узлы можно заказать, – уточнил Алексей и назвал адрес. – Этот, что ли, гараж?

Кивнув, информатор съёжился и зыркнул в окошко.

Светлана гаркнула:

– Колись, Клоп! Не разыгрывай тут робкого фраера!

Клоп полоснул её взглядом, но тотчас опустил глаза.

– Волобуев, – просипел он, – взорвал салон «Фольксваген». Вместе с лохом Лепко.

Алексей и Светлана вновь переглянулись.

– Что ты нам лепишь? – выдохнула Светлана.

– Сычиха, пошла ты!.. – обозлился информатор. – Хочешь – ешь, хочешь – плюй!

– погоди, – вмешался Алексей. – Волобуев – заказчик или исполнитель?

Клоп скорчил рожу.

– Размечтался! – просипел он ехидно. – Может, тебе ещё папку с доказательствами да прямо в суд?! Заказчика им подавай! Ну, блин, менты...

– Захлопни пасть! – осадил его Светлана. – Давай линяй. Свободен.

Приоткрыв дверцу, информатор обернулся.

– Как насчёт моего брата? Сычиха, ты обещала.

Алексей поинтересовался:

– Что у него с братом?

– Квартирная кража. – Светлана сверлила информатора взглядом. – Если твоя наводка не фуфло – подумаю, что можно сделать. Веди себя правильно, Клоп.

Информатор вышел, и красный «москвич», развернувшись укатил. Клоп с прищуром смотрел вслед, и на небритом его лице змеилась ухмылка. Не таясь больше и не озираясь, он обогнул мусорные контейнеры, пересёк задворки и подошёл к белому джипу. Из джипа вылез круглолицый амбал и пробасил:

– Ну чё, сработало?

Клоп кивнул с ухмылкой.

– Заглотили.

– Не заподозрили?

– Кого, блин? Куроеда?

– Не называй имён! – Амбал продемонстрировал пудовый кулачище. – Приключений ищешь?!

Клоп обиженно выпятил губу.

– Да тут же ни собаки... – Он махнул рукой. – Лады. Дело сделано, давай бульон.

Амбал уселся в джип, захлопнул дверцу и в приоткрытое окно просунул пластиковую бутылку с прозрачной жидкостью.

– Веди себя правильно, Клоп, – наказал он и уехал.

Прижав бутылку к груди, информатор усмехался. По своему разумению, он всегда вёл себя правильно.

На другом московском задворке, возле подворотни, стоял чёрный «мерседес». Место водителя пустовало, а на заднем сиденье расположились двое: длинноволосый толстяк Куредов и щёголь с тонкими усиками, поглаживающий причёску. Трепались они о пустяках, не произнося ничего такого, что стоило бы запомнить, однако напряжённо посматривали в окошко.

В подворотне меж тем бойко шла торговля пластиковыми бутылочками с бесцветной жидкостью, визуальнo не отличимой от воды. Покупатели (от школьного возраста до пенсионного) с оглядкой подходили, платили деньги и, пряча возделенную бутылочку, спешно убирались прочь. Торговец, одутловатый блондин, только успевал отшвыривать пустые ящики. Двое вооружённых качков сурово следили за порядком. А пожилой начальник куредовской охраны, растопырив уши, осуществлял, так сказать, общую инспекцию. Время бежало быстро.

Щёголь в «мерседесе» взглянул на часы.

– Долго они телятся.

– Нервничаешь, Юрий Васильевич? – подмигнул Куредов. – Зря, тут все схвачено.

Приятным дикторским баритоном Юрий Васильевич произнес:

– Слишком на виду. Смените место.

– Кого бояться-то? – усмехнулся Куроедов. – Ментов, что ли? Пусть берут на анализ. Ничего не обнаружат, сам знаешь.

Щёголь жёстко на него посмотрел.

– Володь, смени место. Не зарывайся.

Куроедов поднял руки вверх.

– Хорошо, хорошо. Сам-то, Юрик, попробовать не желал?

– Уволь. – Глядя в зеркальце, Юрий Васильевич провёл расчёской по идеально уложенным волосам. – Такие эксперименты, Володь, не по мне.

Во взгляде Куроедова мелькнула неприязнь.

– Осторожничаешь? Напрасно, Юрик. Ощущения, поверь, упоительные. Бешеная сила, легкость, реакция... Даже болячки заживают.

Щёголь с усиками продолжал причесываться.

– Болячек у меня и так тьфу-тьфу. А насчёт силы и всего прочего... Тренажёры, Володь, тоже не плохо помогают.

– Сравнил! – Куроедов скривил губы. – Спорим, я тебя с твоими тренажёрами одной левой сделаю. Особо не напрягаясь.

Возразить или согласиться щёголю не пришлось: из подворотни донёсся вдруг шум и показалось густое облако пыли, внутри которого смутно мелькали ноги и руки дерущихся. Юрий Васильевич вперил взор в Куроедова.

– Что у нас, Володь? Классические проблемы организа-

ции? Так я не играю.

Глаза Куроедова покраснели и набрякли. Он в ярости приоткрыл дверцу.

– Мудаки!

Приятель ухватил его за переливчатый плащ.

– Сиди! Нечего там светиться!

Куроедов послушался. Драка вскоре утихла, однако пылевое облако... оказавшееся не пылью вовсе, а чем-то вроде тумана или сумрака втянулось обратно в подворотню. Приятель – щёголь перевел взгляд на Куроедова.

– Спрашиваешь, не хочу ли я попробовать?

Куроедов воззрился на него покрасневшими глазами.

– Ну так что же, Юра?! Что здесь такого?!

Оба примолкли, поскольку ответа ни тому ни другому не требовалось. Тем временем из подворотни вышел начальник охраны с кейсом в руке. Солидно и неторопливо приблизился он к «мерседесу». Открыл дверцу и занял место водителя.

– Вы там что, озверели?! – напустился на него Куроедов. – Срежь бела дня бучу устроили, кретины!

Положив кейс на сиденье, начальник охраны погладил его ладонью.

– Хорошая выручка, Владимир Сергеевич. Особенно – для этой хилой точки.

– Гаврилыч, ты меня слышал?!

– Насчёт драки, что ли? Толкач, падло, часть бабок решил затырить. Ребята засекли, ну и само собой... Дело жи-

тейское.

Покосившись на приятеля-щёголя, Куроедов проворчал:
– Хрыч старый. Сам-то зачем полез?

Гаврилыч пожал плечами.

– Пёс меня знает. Силы навалом, поразмялся чуток. Жалко тебе?

Куроедов многозначительно посмотрел на сидящего рядом приятеля. Тот разгладил пальцем усики.

– Гаврилыч, – процедил он сквозь зубы, – чтоб в последний раз.

Начальник охраны развернулся в его сторону.

– Юрий Васильевич, а ты меня не лечи! На тебя я не работаю, понял!

Юрий Васильевич выдержал его взгляд.

– Такой независимый, да? – произнёс он иронично. – Хочешь со мной поссориться – сделай одолжение.

Глаза начальника охраны покраснели и набрякли в точности так же, как у его босса. Вокруг его фигуры стала густеть сероватая дымка.

– Лично мне, – прошипел он, – на тебя глубоко насрать!

Юрий Васильевич скривил в усмешке губы.

– С чего бы, Федя? Откуда столько отваги? Бульон в тебе, что ли, бурлит?

Куроедов положил руку ему на плечо.

– Не заводишь, Юрик. Ты ведь знаешь, – подмигнул он, – мент и в отставке мент. А ты, Гаврилыч, не возникай. Пра-

вильно тебе сказано: в последний раз. – Он показал начальнику охраны сдобный кулак. – Размяться ему, сучку, захотелось!

Отвернувшись, Гаврилыч, с достоинством опёрся на руль. Приятель-щёголь взялся за ручку дверцы.

– Ладно, созвонимся позже.

Куроедов его придержал.

– Погоди, Юрик. Во-первых, деньги. – Он кивнул на кейс. – Тебе наличка нужна?

Юрий Васильевич качнул головой.

– Переведи на счёт, как обычно.

– Без проблем, – кивнул Куроедов. – А во-вторых, не хочешь взглянуть, какую тёлку я себе откопал? В школе училкой пашет. Юра, это полный отпад!

Приятель-щёголь отмахнулся.

– Не до твоих тёлок. Дел вагон, и в конторе показаться надо.

– Зря, Юрий Васильевич, – встрял начальник охраны, явно ища примирения. Краснота сошла с его глаз, дымка вокруг тела рассеялась. – Девушка, доложу я вам... принцесса. Красоты неопишуемой.

Куроедов артистично откинул со лба волосы.

– Юрик, поверь: увидишь её – в столбняк впадёшь.

– Ей-богу, гвоздь мне в печень! – подтвердил Гаврилыч.

Юрий Васильевич отодвинулся от дверцы.

– Интригуете прямо. Если она хоть вполовину такая...

– На двести процентов! – заверил Куроедов. – Одна лишь спотычка: муж её, как я выяснил, в той же школе телепается. Нейтрализовать бы его по-тихому.

Юрий Васильевич достал расчёску и провёл ею по виску.

– Володь, в чём проблема? Тачка хоть у них есть?

Куроедов состроил гримасу.

– Если это можно назвать тачкой. Раздолбанный «жигуль».

– Вполне достаточно. – Расчесав висок, Юрий Васильевич извлёк мобильник. – Колюня! – произнёс он, набрав номер. – Привет, это Луганский!.. Коля, я не пропал. Если б ты знал, на каком я свете... Согласен, дружище, не отверчусь. Но сейчас прямо к делу, о'кей?.. Выдели-ка двух своих молодцов с мигалкой и со всеми прибаmbасами. На часок – другой... Николай, контора моя светиться в этом не хочет. Мне ли тебя учить?.. Спасибо, дорогой. Сам сейчас подрулю и прихвачу их. Обнимаю. – Юрий Васильевич убрал телефон в карман, обронив небрежно: – Сперва на Смоленку заедем.

Гаврилыч врубил мотор, и «мерседес» покатил мимо подворотни с опустевшими фанерными ящиками.

– Во как работать надо! – подмигнул Куроедов. – Контора веников не вяжет.

Приятель-щёголь погрозил ему пальцем.

– Смотри, если тёлка твоя меня не впечатлит!

– Впечатлит, не волнуйся, – хихикнул Куроедов. – Лишь бы не до паралича.

Тут Гаврилыч, вырулив из переулка на шоссе, спохватился:

– Кстати, о работе! Мне там, пока торговля шла, звонок был. Насчёт Клопа.

– Ну? – встревожился Куроедов. – Как у него прошло? Начальник охраны усмехнулся.

– Впарил ментам за милую душу. Побарахтаются теперь! Куроедов откинулся на спинку сиденья, блаженно прикрыв глаза.

– Что за денёк! Чудо, а не денёк!

Красный «москвич» припарковался возле одноэтажного кирпичного строения, напоминающего раздутую собачью конуру. Это и была мастерская по ремонту иномарок, на владельца которой указал информатор.

– В общем, башку даю на отсечение, – подытожил разговор Алексей, – что угнанные машины идут здесь на запчасти. Но зацепки, само собой, ни единой.

Светлана рассматривала литые металлические ворота.

– Ты хоть видел этого Волобуева?

– Мельком. Тот ещё фрукт. Вполне способен подложить взрывчатку.

– Хорошо сказано. Какие у тебя основания, Калитин? Не считая, конечно, доноса Клопа.

Алексей пожал плечами.

– Интуиция. Волобуеву иной раз перепадала халтурка и от покойного Лепко. В автосалоне этот малый брал машины для мелкого ремонта. И легко мог при общем раздолбайстве начинить одну из тачек динамитом. Что, как известно, и произошло.

Светлана приоткрыла дверцу.

– Во-первых, не установлено, что взорванная тачка побывала у Волобуева. А во-вторых – мотивы, Калитин. Каковы мотивы?

– Какие угодно. – Алексей также открыл дверцу. – Либо что-то личное, либо заказ. Причём не обязательно Куроедова.

– Кра-асиво! – фыркнула Светлана и направилась к гаражу.

Догнав её, Алексей осведомился:

– Имеются возражения?

Светлана лишь вздохнула, осматривая ворота. Снаружи замка не было. Ворота, судя по всему, закрыты были на засов изнутри. Светлана принялась колотить в них ребром ладони.

– Эй! Есть там кто?

Никто не отозвался.

Алексей толкнул боковую дверь, которая легко отворилась.

– Будь проще, Сычова, – усмехнулся он.

Светлана улыбнулась.

– Ты майор, ты умный.

Они вошли внутрь.

Просторное помещение заливал свет флюоресцентных ламп. За исключением разбросанных инструментов здесь было пусто. Разве что... у задней стены стоял полуразобраный автомобиль, из-под которого торчали ноги в кедах. Серые глаза Светланы сощурились.

– Лужицу видишь? – кивнула она. – Не кровь ли?

– Да уж не компот вишнёвый. – Алексей направился к торчащим ногам. – А жаль: компоту я бы хлебнул.

Светлана плотно прикрыла дверь наружу.

– И вокруг ни души, – прокомментировала она. – Сказка, блин!

Алексей заглянул под машину.

– Голова пробита, грудь раскурочена, – сообщил он. – Обошлись без стрельбы.

– Освещения там хватает? – спросила Светлана.

Поднявшись на ноги, Алексей отряхнул колени.

– Там Волобуев. Если ты об этом.

Светлана хмуро кивнула.

– И механики все куда-то подевались. Как корова языком слизнула... Что стоишь, Калитин? Вызывай бригаду.

– Что бы я без тебя делал? – Достав мобильник, Алексей лаконично и сухо отдал распоряжения.

– Конечно, я не эксперт, сказала Светлана. – Но этому труп, похоже, не менее четырёх-пяти часов.

Алексей покосился на засохшую лужу крови.

– К чему ты клонишь, Сычова?

– Нас держат за лохов, Лёш.

– Тебе известно – кто?

– Куроедов, кто ж ещё.

– Свет, ты на нём просто заклинилась.

Светлана покачала головой.

– Ни хрена. Если взрыв в автосалоне организовал Волобуев – значит, он выполнял заказ. Какие могут быть личные мотивы, если его самого грохнули? Просто совпадение, что

ли?

Алексей протестующе вскинул руку.

– Но кто сказал, что заказчик – Куроедов? В нашем криминализированном бизнесе можно составить длинный список...

– Дерьмо собачье, – отмахнулась Светлана. – В шесть утра Клоп звонит мне на мобильник, назначает встречу и дает эту наводку. Мы приезжаем и находим жмурика: вот досада.

– Но почему Куроедов?

– А кто, Леш? Думай репой. Какому ещё заказчику так приспичило пускать нас по этому следу? На подозрении у нас пока один Куроедов, все прочие – в тени. С чего бы им подсылать Клопа?

Помолчав, Алексей вздохнул.

– Логично. Только бездоказательно.

В глазах Светланы появился стальной блеск.

– Пощекачу-ка я этого патлатого пузана. – Она шагнула к двери. – Машину я забираю.

– Стой! – гаркнул Алексей. – Капитан Сычова, я вам приказываю...

– Лёш, мы должны сойти с мёртвой точки. Расслабься: всё будет грамотно.

– Где ты его сейчас найдёшь, дурья башка?!

За дверью гаража Светлана с усмешкой обернулась.

– Найду, Лёш. Знаю место.

После уроков Глеб и Даша спешно перекусили в школьной столовке – благо она ещё работала.

– Не могу есть ЭТО в таком темпе, – пожаловалась Даша. Глеб улыбнулся.

– Предпочитаешь ЭТО смаковать?

Даша качнула «конским хвостом».

– Нет, лучше я от тебя что-нибудь откушу.

Глеб взглянул на часы.

– Тогда поторопись, иначе я к барону опоздаю. Мне ведь ещё домой тебя отвозить.

Когда они вышли из столовой, мимо промелькнул Стас и, помахав рукой, умчался, как рыжая комета.

– Надо было к нему прицепиться, – сказала Даша, – и доехать до перекрёстка.

Глеб простонал:

– Прицепись ко мне! А то слиняю сейчас к лешему!

Даша сделала круглые глаза.

– От кого – от Дашеньки? – И направилась в туалет помыть руки.

Глеб в очередной раз взглянул на часы.

Когда они пошли наконец к раздевалке, Даша встретила трёх пятиклашек, которые Бог весть почему задержались в школе. Две девчушки и пацан наперебой затараторили:

– Дарья Николаевна! Дарья Николаевна! У нас будет дополнительный английский?

– Пока не знаю, – зашебетала в ответ Даша. – Если вам очень хочется...

– Извините, что прерываю, – вмешался Глеб. – Дарья Николаевна, я жду вас в машине. Будьте благоразумны. – Он зашагал вниз по лестнице.

Выйдя из вестибюля, Глеб направился к «жигуленку», припаркованному за пределами школьного двора. Небо сохраняло пасмурность, дождь, вроде собирался, но так и не решился пойти. В куртке нараспашку Глеб прошагал за школьные ворота, постоял у «жигулёнка», высматривая Дашу, затем в досаде сел в машину.

В сей же момент из автомобиля дорожного патруля, стоявшего сзади перед чёрным «мерседесом», вылезли два упитанных гаишника и двинулись к «жигулёнку». Один из них приблизился со стороны водителя и постучал в окошко. Глеб опустил стекло.

– Инспектор Кравцов, дорожный патруль, – представился гаишник. – Вы владелец этого транспортного средства?

Глеб кивнул.

– Да, а что?

Гаишник козырнул.

– Документы, пожалуйста. – И неторопливо пролистав предъявленные Глебом водительские права, приказным тоном произнёс: – Пройдёмте со мной.

– Куда? – полюбопытствовал Глеб.

– В нашу машину.

– Что-нибудь не так?

Инспектор Кравцов изобразил улыбку, похожую на судорогу.

– Так, не так – сейчас выясним.

Глеб вышел из «жигулёнка».

– Только побыстрей, ладно?

– Уж как получится. – Гаишник с напарником проконвоировал Глеба в патрульный автомобиль.

Глеба водворили на заднее сиденье, и молчаливый напарник расположился рядом. Сам инспектор Кравцов, воссев за рулём, принялся передавать по рации паспортные данные Глеба и номер «жигулёнка».

– Все так серьёзно? – спросил Глеб.

– Может, да, а может, нет, – дипломатично ответил гаишник. – Проверка покажет.

Во время этого обмена репликами подъехал красный «москвич», медленно обогнул «мерседес», патрульный автомобиль и «жигулёнок» и притормозил чуть впереди.

Из школы меж тем выпорхнула Даша. С виноватым видом она зацокала каблучками по крыльцу. И, словно чёртик из табакерки, передней возник Куроедов – в переливчатом плаще, с разметавшимися волосами и с жёлтыми тюльпанами в руке.

– Вот мы и встретились! – находчиво объявил он, протя-

нув Даше букет. – Это вам.

Даша поморщилась.

– Тронута. Возложите на могилу неизвестного солдата.

– Ему – то зачем? – хохотнул Куроедов, тыча в Дашу букетом. – Вам это больше к лицу. Кстати, не забыли моё имя?

– Как можно! – Даша попыталась его обойти. – Извините, Куроцапов: некогда.

Она спустилась с крыльца, но Куроедов вновь заступил ей дорогу.

– По-вашему, остроумно издеваться над фамилией?

Даша вздохнула.

– Согласна, это хамство. Но как иначе от вас избавиться? Может, посоветуете?

Глаза Куроедова покраснели и набрякли.

– Для начала – как твоё имя?

– Милкопоксена. Запишите для памяти и дайте пройти.

Куроедов схватил её за руку.

– Хватит мне мозги парить!

– Дарья Николаевна, к вам пристают? – слышался голос Лёни Рюмина, который только что с Гулей Шариповой закончил уборку свинства, устроенного десятым «Б» в кабинете биологии.

Зеленые глаза Даши холодно смотрели в лицо назойливому поклоннику.

– Отпусти руку, сунс! – проговорила она.

– Двигай в машину! – прошипел Куроедов. Вокруг его те-

ла образовалась чуть заметная серая дымка.

Лёня Рюмин браво предложил:

– Дать ему в рыло, Дарья Николаевна?

Гуля спрашивать не стала, она врезала портфелем Куроедову по запястью. Куроедов уронил цветы и в бешенстве потянулся рукой к Гулиной шее. Рука словно удлинилась...

Тут Светлана Сычова в эффектном прыжке протаранила Куроедова ногой в грудь.

– К кому цепляешься, гнида! – проорала она.

Куроедов опрокинулся на спину. То есть не совсем опрокинулся, так как ступни его ног прочно стояли на земле. Он лишь прогнулся, едва не коснувшись асфальта затылком, и распрямился, как упругий бамбук. Выглядело это ошеломляюще, все замерли, словно в ступоре. Судя по выражению лица Куроедова, он и сам от себя подобного не ожидал.

Первой опомнилась Даша. Приобняв обалдевших Лёню и Гулю, она прошептала:

– Дуйте отсюда, чтоб пятки сверкали.

Но ребята не двигались.

Меж тем, пришедший в себя Куроедов со стремительностью кобры метнулся в сторону Светланы. Момент, однако, был упущен: Светлана выхватила пистолет.

– Иди сюда, сволочь! – поманила она пальцем. – Дай мне повод! Это будет самооборона при свидетелях!

Куроедов притормозил, будто наткнулся на стену. Лицо его побледнело.

– Сычиха, без глупостей, – пробормотал он. – Разойдёмся по углам.

Светлана держала его под прицелом.

– Сперва ответь, – сказала она, – чем Волобуев тебе помешал? Знал много?

Куроедов как под гипнозом, смотрел в дуло «макарова».

– Не понимаю, о чём ты. Ремонтируюсь у него иногда... И что с того?

– Тогда почему ты с ним так поступил?

Дрожащей рукой Куроедов достал сигареты и зажигалку. Светлана ему не препятствовала.

– Никак я не поступал. Убери пушку.

– Уберу, когда ответишь: зачем?

Куроедов закурил. Белки его глаз стали утрачивать красноту.

– Не понимаю, о чём ты, – повторил он, выдыхая дым через ноздри.

Тем временем Глеб, сидя в автомобиле гаишников, следил за происходящим, готовый вмешаться в любой момент. Инспектор Кравцов с напарником от наблюдения его не отвлекали, так как оба застыли манекенами без звука и движений. Лишь на пульте перед инспектором с потрескиванием бухтела рация. Глядя в окошко, Глеб держал под контролем группу у школьного крыльца: Дашу с Лёней и Гулей и Светку, наставившую пистолет на толстяка с явно необычными способностями. Краем глаза Глеб заметил, как откры-

лись дверцы стоящего позади «мерседеса» и в игру вступили новые лица: лопоухий пожилой водитель и прилизанный пижон с усиками. Захлопнув дверцы, они обменялись тихими репликами. Затем водитель остался у «мерседеса», а пижон поспешил к школьным воротам, за которыми Светлана продолжала напирать на толстяка. Причём кураж последнего заметно шёл на убыль.

– Всё ты понимаешь, козёл! – процедила Светлана сквозь зубы. – Волобуев – твоих рук дело!

Трясущимися пальцами Куроедов отшвырнул окурок.

– Зря стараешься, Сычиха. Волобуева мочил не я, и на меня ты это не повесишь.

Глаза Светланы сузились.

– А кто сказал, что Волобуева замочили?

У Куроедова отвисла губа.

Даша щёлкнула пальцами.

– Хорошая работа, Светка!

– Так себе, – возразил Лёня Рюмин. – Даже я догадался, что этот Волобуев – труп.

– Заткнуться можешь? – сверкнула глазами Гуля.

Рядом прозвучал властный голос:

– Что здесь вообще происходит? Киносъемка или гоп-стоп среди бела дня?

Светлана обернулась с пистолетом. Шагах в пяти стоял молодой мужчина с усиками и тщательно уложенными волосами. Одет он был с иголочки, выглядел уверенно и руки

держал за спиной.

Даша пристально на него посмотрела.

– Хотите присоединиться?

Окинув её взглядом, щёголь слегка приоткрыл рот, однако тут же взял себя под контроль.

– Чего я хочу – так чтобы вы отправились по домам, не создавая себе неприятности.

– Да ну? – взмахнула «макаровым» Светлана. – Иди, куда шёл! Не суйся под руку!

На лице щёголя не дрогнул ни один мускул.

– А вы кто, простите, такая? Можно ведь и милицию вызывать.

Светлана ткнула ему в нос удостоверение.

– Капитан Сычова, уголовный розыск, провожу задержание, отвали!

Грубость её щёголь пустил мимо ушей.

– Приятно познакомиться. – Он так же достал удостоверение и развернул. – Майор Луганский, ФСБ. Может, спрячете оружие?

После короткой паузы Светлана буркнула:

– Плевать на ФСБ. Я провожу задержание.

Щёголь – майор с укором покачал головой.

– Задержание на пороге школы? Браво, капитан Сычова.

Светлана покраснела. И Даша пришла ей на выручку:

– Разве кто-нибудь пострадал?

Майор адресовал ей улыбку.

– Насколько я понимаю, вы учительница? Ну как можно быть столь беспечной! – Взгляд его скользнул по лицам Лёни и Гули. – С вами рядом – дети. А если бы эта... капитан Сычова в горячке устроила пальбу?

– Тогда, – ответила Даша, – вы бы нас спасли. Элегантный, как рояль в кустах.

Улыбка растаяла на губах майора. Он резко обернулся к Светлане.

– Что всё-таки здесь произошло? Если не секрет, конечно.

Светлана кивнула на Куроедова, который стоял скукожась, точно после болезни.

– Разбойное нападение с целью похищения.

Майор ФСБ издал смешок.

– Неужели? – он указал на рассыпанные по ступенькам цветы. – Разбойное нападение с букетом тюльпанов. Поздравляю, капитан Сычова. Это ваше открытие войдёт в историю криминалистики.

Светлана запихнула пистолет в наплечную кобуру.

– Само собой, – буркнула она, – все в дерьме, а ФСБ в белой рубашке.

Майор примирительно взял её под руку.

– Не будем ссориться. Позвольте на пару слов. – Они отошли в сторонку.

Пользуясь моментом, Даша произнесла:

– Лёнька с Гулькой, чешите отсюда. Или вы не братья мне по крови.

Лёня и Гуля переглянулись, чуть помедлили – затем беззвучно отправились прочь.

Даша взглянула на Куроедова. Тот стоял словно в ступоре.

Майор ФСБ меж тем доверительно смотрел в глаза Светлане.

– Куроедов Владимир Сергеевич, – проговорил он тихо, – сотрудничает с нами. Держитесь от него подальше.

Светлана опешила.

– Стукач, что ли?

Майор пожал плечами.

– Простите, я не уполномочен обсуждать это с вами.

Светлана вспыхнула от злости.

– На нём два убийства! Вам это тьфу?!

Майор протянул к ней открытую ладонь.

– Доказательства.

– Будут!

– Вот когда будут, лапонька, тогда и поговорим. А пока... считайте, я вас предупредил.

– Ой, напугал! – фыркнула Светлана.

Майор не отреагировал, лишь подтолкнул Куроедова в сторону школьных ворот. Толстяк поплёлся, по-стариковски шаркая.

– Хочу бульона, – прохныкал он негромко.

Светлана пнула подвернувшийся под ногу жёлтый тюльпан.

– Надо же! Бульона просит детка!

Даша смотрела вслед удаляющейся парочке.

– Интересно, – пробормотала она, – что там делает Глеб?

– Его гайшники в оборот взяли, – вздохнула Светлана. –

Сейчас я с ними разберусь.

Даша качнула «конским хвостом».

– Ерунда: гайшники, майшники... Если он не вмешался

– значит, у него что-то на уме. Пошли, Светка, учиним ему допрос.

Меж тем Куроедов с майором ФСБ приблизились к патрульному автомобилю, стоявшему перед «мерседесом». Глеб взглянул на инспектора Кравцова и его напарника. Вздвогнув, оба вышли из столбняка.

– ...в угоне, на ваше счастье, не значитсч, – закончил прерванную реплику инспектор Кравцов, возвращая Глебу документы. – Но проверить были обязаны, не обижайтесь.

– Разве я не понимаю? – проникновенно ответит Глеб. – Такая у вас работа. – Он выбрался наружу в тот момент, когда мимо проходили толстяк и пижон с усиками.

Оба настороженно взглянули на Глеба и проследовали к «мерседесу». А Глеб, как бы не обратив на них внимания, двинулся к «жигуленку».

Лопухий пожилой водитель распахнул перед хозяином дверцу и помог забраться внутрь. Выглядел толстяк пришибленным. Пижон с усиками нырнул на заднее сиденье, и «мерседес» неторопливо отъехал. Патрульный автомобиль инспектора Кравцова устремился следом. «Кто бы сомневал-

ся!» – усмехнулся про себя Глеб.

У него за спиной объявились Даша и Светлана.

– Ну, – произнесла Даша. – Что ты об этом скажешь?

Глеб сердито улыбнулся.

– Скажу: вот что бывает с копушами! «Ах, Дарья Николаевна! Ах, девочки!» Пусть теперь Светка домой тебя отвозит. Я в «Метрополь» опаздываю.

Даша притопнула каблучком.

– Я с тобой!

– Ага, щас! С тобой Мак-Грегор воспримет мой приезд как светский визит, и мы до ночи там проторчим. Отвезёшь её, Свет?

– Конечно, – Светлана взглянула на часы, – только в темпе. У меня убийство свежее.

Глеб обнял её за плечи.

– Сычиха, ты молоток. Но твой чёрный пояс каратэ, как бы помягче выразиться... Не ввязывайся в драки, ладно? Потом я тебя потренирую.

– Когда? – уточнила Светлана. – Стас всё время отказывается.

– Потренирую вместе со Стасом, когда всё это кончится.

– Что «это»? Объясни.

Глеб открыл дверцу «жигуленка».

– Кабы я знал. – Он сел в машину и уехал.

Светлана и Даша в красном «москвиче» покатали в другую сторону. Обгоняя на повороте троллейбус, Светлана по-

любопытствовала:

- Эти ребята на крыльце и были Лёнька с Гулькой?
В зелёных глазах Даши вспыхнули искорки.
- Стыдись, Сычова. Их надо знать в лицо.

Лёня Рюмин и Гуля Шарипова шли к метро, не оглядываясь. Погода по-прежнему была пасмурной, и дождь, казалось, вот-вот хлынет. Однако угроза эта в реальность не воплощалась: было сухо и тепло. После продолжительного молчания Лёня произнес:

– Странно. Узнал меня, но не подал виду.

– Кто? – спросила Гуля.

– Юрий Васильевич. Этот чувак из ФСБ. Мы с ним встречались: мой фазер – его шеф. Он меня узнал и понял, что я узнал его. Но даже бровью не повёл.

Гуля фыркнула.

– А что он был должен? Облобызать тебя троекратно?

Лёня помедлил с ответом.

– Насчёт облобызать – обойдусь. Но как он вообще там оказался? Кинулся выручать этого жирного недоноска... Странно, говорю тебе.

Подумав, Гуля предложила:

– Скажи папе. Может, он как-то объяснит...

– Уж он объяснит! – тряхнул чубчиком Лёня. Он выпрямил спину, копируя осанку отца. – «Леонид, – скажет он, – у тебя есть дела? Если нет – почитай книгу». Пойми, восточная женщина: чекисты на вопросы не отвечают, они их задают.

Гуля улыбнулась.

Московские улицы в предверии выходных буквально бурлили. Народ сновал по магазинам, питейным заведениям и прочим объектам цивилизации. Лёня и Гуля, как опытные мореплаватели, лавировали среди вихрящихся людских потоков.

– Ты заметил? – осторожно проговорила Гуля, – что вокруг толстяка возник такой же сумрак...

– Чушь! – перебил Лёня.

– ...как у тех мальчишек возле Сашиного дома? – закончила вопрос Гуля.

Лёня покрутил пальцем у виска.

– Кому-то пора в психушку. Вслед за юным дарованием.

– Ты ведь заметил, только не хочешь...

– Че-пу-ха! Гулька, ты ужастиков насмотрелась.

Гуля сверкнула карими глазами.

– Рюмин, ты ишак!

Некоторое время они шли молча. По мере приближения к метро плотность людских потоков возрастала. Чтоб «течение» их не разлучило, Лёня и Гуля умело продвигались плечом к плечу.

– Что я заметил, – примирительно произнёс Лёня, – то, что мы стали часто влезать в потасовки.

– Ну и что? – покосилась на него Гуля.

Лёня пожал плечами.

– Неинтеллигентно.

Прыснув, Гуля чмокнула его в щёку. Лёня вздыбил пятернѣй чубчик.

– Ну, если ты так реагируешь... можно ещё подраться.

Стоя у окна своей комнаты, Саша смотрел во двор. Вихры на его затылке топорщились, как иголки ежа. Во дворе мальчишки его возраста гоняли в футбол. Саша наблюдал за ними с напряжением и завистью.

В комнату заглянула бабушка.

– Шёл бы погулять, Сашок. Пятница ведь.

– Отстань, ба! Не хочу.

Мимо бабушки в дверь протиснулась сестрѐнка. Банты на её косичках задорно колыхались.

– Сань, пойдѐм! – заканючила она. – Одной мне скучно. Веруня заболела, Галка в гости ушла...

– Дома сиди, дура! – рявкнул Саша. – Нечего по двору шастать!

Бабушка всплеснула руками.

– Слова ему не скажи! Что с тобой творится? Ей-богу, позвоню Глебу...

– Кого ты пугаешь?! Звони, ба! Только дверь закрой!

Бабушка в сердцах хлопнула дверью.

Танька осталась в комнате.

– Сань, пойдѐм, а! – не сдавалась она.

Саша резко обернулся.

– Иди сюда.

– Зачем? – Танька опасно приблизилась.

Саша обнял сестрёнку за плечи.

– Глянь-ка в окно. Ребят вон видишь?

– Ну?

– Как они, по-твоему? Нормальные?

Танька вылупила на брата глазёнки.

– Как это?

– Посмотри, – пробормотал Саша. – Может, с ними что-то не так?

Девочка вперилась в играющих в футбол мальчишек и с сомнением произнесла:

– Ой, даже не знаю.

Саша обнял её крепче.

– Давай понаблюдаем. А потом стихи писать сядем. Про осень, Лёня и Гуля просили.

– Они придут? – обрадовалась Танька. – Сегодня?

Саша покачал головой.

– В понедельник. Но стихи ещё придумать надо, а мне в голову ничего не лезет.

– Понимаю, – вздохнула девочка.

В комнату вновь заглянула бабушка.

– Пойдём, Танюш, я с тобой погуляю.

Танька мотнула косичками.

– Нет, ба. Мы в окно смотреть будем.

– О, Господи! – опешила бабушка.

Саша ехидно полюбопытствовал:

– Дозвонилась Глебу? Или опять никто не подходит?

– Дозвонюсь, грубиян, не сомневайся!

– Давай, ба. Звони, ябедничай.

Танька преданно заглянула брату в глаза.

– Ба, не мешай. Мы наблюдаем.

Бабушка проворчала:

– С ума с вами сойдёшь. – И дверь за ней закрылась.

Автомобиль дорожного патруля, ведомый инспектором Кравцовым, висел у Глеба на хвосте назойливо и неотвязно. У гаишников на заднем сиденье затаился пижон с усиками, успевший на светофоре перескочить туда из «мерседеса». И «мерседес» отчалил на первом же повороте. Глеб лишь усмехнулся. На что, интересно, рассчитывают бравые эти ребята? На то, что он пентюх? Или они, как Светка Сычова, обожают давить на психику? Впрочем, их мотивы Глеба не волновали. Смущало его другое: он опять опаздывал. Эти опоздания, чёрт бы их побрал, донимали его, как хвороба, долгие годы. Когда Глеб припарковался неподалёку от «Метрополя», часы показывали четверть пятого. А когда он вошёл, наконец, в фойе гостиницы, опоздание увеличилось ещё на три минуты.

Барон Мак-Грегор сидел в кресле под пальмой и курил. В кадку, из которой произрастала пальма, он деликатно стряхивал пепел. И выглядел барон таким крахмально-чистым, что никто не осмелился сделать ему выговор.

Прижав руку к груди, Глеб произнёс по-английски:

– Можешь застрелить меня, Ричард: на дорогах такие пробки...

Барон наставил на него палец.

– Пиф-паф! – И кивнул на кресло рядом. – Присаживайся,

Майкл. Если бы ты согласился подняться ко мне в номер, я мог бы заказать выпивку.

– В другой раз, Ричард.

– Вечно ты спешишь, Майкл. Если на секрет, чем ты занят?

– Пишу роман.

Барон воззрился на Глеба в изумлении. Затем расхохотался, издавая звуки, напоминающие детскую погремушку.

– О, лорд Грин... воистину у каждого свои причуды!

– Рад, что ты принял это стойко, – парировал Глеб. – Мог бы и в обморок упасть.

В этот момент в дверь отеля вошёл господин в тёмных очках и в берете, натянутом на лоб. Он с интересом изучал театральную программку, прикрывающую нижнюю часть его лица. Глеб едва удержался от смеха: это был всё тот же пижон с усиками. Сей пинкертон уселся в углу напротив и, будто кого-то ожидая, уткнулся в программку носом.

Барон меж тем сказал:

– Майкл, надеюсь, ты не обиделся?

– На дуэль тебя вызову, – пообещал Глеб. – Если немедленно не перейдёшь к делу. Зачем звал?

Оглядевшись, барон ткнул окурок в землю возле пальмы. В кресле напротив пижон с усиками продолжал штудировать программку. Окурки барона, очевидно, его не интересовали.

– Вопрос деликатный, Майкл, – понизил голос барон. – Мне нужен твой совет. И возможно – помощь.

Глеб не сдержал усмешки.

– Если речь идёт о похищении картины...

– Оставь, – отмахнулся барон. – Это был каприз, он прошёл... почти. Хочу с тобой поговорить о супругах из Манчестера.

Глеб со вздохом возвёл глаза к потолку.

На даче в Голицыно супруги Ньюгарты, устав от лабораторных экспериментов, сделали перерыв на обед. Кормили их отменно, порой даже изысканно, однако Джордж гурманом не был, и мысль о возвращении в Манчестер овладевала им всё настойчивей.

Обедали супруги в просторной комнате, которая служила им одновременно столовой и спальней. Пожилая угрюмая женщина в цветастом фартуке молча подавала кушанья и уносила грязную посуду.

– Стерва, – буркнул Джордж. – Могла бы иногда здороваться.

Люси укоризненно нацелила в него крючковатый нос.

– Дорогой, воздержись от подобных замечаний. Она может понимать по-английски.

Невозмутимо поменяв им тарелки, прислуга с достоинством удалилась. Джордж фыркнул ей в след.

– Как же по-английски! Она хоть сама-то себя понимает?

– И тем не менее, дорогой...

Джордж хлопнул ладонью по столу.

– Ладно, прошу прощения! Прошу прощения, леди! – И голубыми глазами воззрился на жену. – Теперь ты мной довольна?

Люси улыбнулась.

– Ты не меняешься, Джордж Ньюгарт.

– С чего бы мне меняться? В этом переменчивом мире кто-то должен служить ориентиром. Ты звонила Ричарду?

– Нет, дорогой, но я...

– В чём дело, Люси? – Лысина Джорджа покраснела внутри светлых кудряшек. – Тебя не подпускают к телефону?

Впалые щёки Люси, напротив, побледнели.

– Не выдумывай, Джордж. Недавно звонил Владимир и через охранника передал, чтобы мы приготовили ещё субстанцию. Раз в три больше, чем вчера.

– Мой Бог, за каким чёртом?!

– Дорогой успокойся. Для работы нам нужно её не много, готовится она легко, так что...

– Но зачем, Люси?! – Нос-картошка Джорджа побагровел от возмущения. – Твой чокнутый племянник пьёт субстанцию. Держу пари, он её пьёт!

Люси резко поднялась.

– Джордж, мы не можем вернуться в Манчестер, – отчеканила она. – И мы приготовим субстанции столько, сколько нужно моему племяннику. Если он её пьёт – чёрт с ним, я это переживу. Ты понял меня, дорогой? Вот и отлично. А Ричарду я разумеется позвоню. – С этими словами она вышла, задрав подбородок.

Придя в себя, Джордж крикнул ей вдогонку:

– Прошу прощения, леди!

Глеб возвёл глаза к потолку.

– Ричард, о супругах из Манчестера мы уже говорили. Я не занимаюсь поиском без вести пропавших.

Барон сделал протестующий жест.

– Они не пропали: вчера Люси позвонила. То есть передала через портье...

– Тем более. – Глеб поднялся с кресла. – Чего в таком случае ты от меня хочешь?

Взгляд барона отвердел.

– Быть может, ты выслушаешь меня, Майкл?!

– Надоело! – взорвался Глеб. – Ходишь вокруг да около!

Публика в фойе отеля стала на них коситься. Лишь пажон с усами увлечённо листал программку.

– Присядь, Майкл, – понизил голос барон.

Глеб качнул головой.

– Хочешь говорить – даю полминуты.

Вскочив с кресла, барон одёрнул пиджак и сквозь зубы процедил:

– За мной следит Интерпол. В связи с Ньюгартами. Япошка сзади, не оборачивайся.

Глеб озадаченно потёр переносицу.

– В двух словах, Ричард: что твои друзья натворили?

– Не знаю, Майкл. До их бегства в Россию повидаться мы

не успели. Но могу поклясться: эти люди ничего натворить не способны.

– Ричард, и всё же.

– До меня дошли только слухи, Майкл. Но я в них не верю. Когда Ньюгарты были на конгрессе в Токио, они будто бы... – барон запнулся, – украли будто бы какой-то образец или формулу. Словом, полная чушь.

Как бы невзначай Глеб обернулся. Возле стойки он заметил маленького японца со шрамом над левой бровью. С безучастным видом японец рассматривал свою ладонь.

– Ньюгарты – биохимики? – негромко уточнил Глеб. – В какой области они работают?

Барон пожал плечами.

– Понятия не имею. Я в этом не разбираюсь.

– Ну, ты даёшь! – усмехнулся Глеб. – Всё-таки чего ты от меня хочешь?

– Нейтрализуй этого япошку, Майкл. Пока я не вывезу Ньюгартов из России.

Глеб пристально посмотрел на барона. Тот был совершенно серьёзен.

– Что ж, – сказал Глеб, – это будет оригинальней, чем выкрасть из музея «Вакханалию».

– Майкл, сделай это для меня.

– Барон Мак-Грегор, вы всегда были полудурком. Но вы быстро прогрессируете, и процесс близок к завершению.

Барон не обиделся, лишь полюбопытствовал:

– Почему?

Глеб сердито буркнул:

– Тебе как, в смысле биологическом или по данному вопросу?

– Что я делаю не так, Майкл?

– Всё. Во-первых, ты не удосужился даже поинтересоваться, в какой, конкретно, области работают твои друзья. И в связи с этим, во-вторых, не выяснил, какие проблемы возникли у них в Токио. В-третьих, если ими занимается Интерпол, какого чёрта вывозить их из России? И наконец, в-четвертых, почему ты решил, что этот японец из Интерпола?

Барон воззрился на него в недоумении.

– А откуда?

Глеб пожал плечами.

– Пёс его знает.

Барон достал сигареты.

– Ты поможешь мне, Майкл?

Глеб кивнул.

– Если ты подробно всё разузнаешь. И, разумеется, если твои Ньюгарты ни в какой мерзости не замешаны.

– В этом будь уверен! – воспрял духом барон. – Могу я позвонить тебе, Майкл...э-э...когда наведу справки?

– Что с тобой делать? – вздохнул Глеб. – Звони. А пока позволь откланяться.

Барон закурил.

– Я провожу тебя до машины.

– Спасибо, Ричард, но... Хотя плащ бы надел. Осень всё-таки.

– Ерунда, я закалённый.

Они направились к выходу из отеля. Пижон с усиками так и не отлип от театральной программки. Зато японец переместился от стойки портье к лифту. За Глебом и бароном никто не последовал.

Дойдя до парковки, барон уставился на «жигулёнок», выдохнул сигаретный дым и пробормотал:

– Да, лорд Грин... как говорится, чудны дела твои, Господи.

– Воистину так. – Глеб открыл дверцу «жигулёнка». – Звони, Ричард.

– Забыл спросить, – спохватился барон, – как поживает та сногшибательная мисс, у которой ты служил телохранителем?

– Телохранитель ей больше не нужен. – Глеб скользнул в машину. – Теперь она моя жена.

Барон аж сигарету выронил.

– О-о, Майкл!.. Надеюсь, ты примешь от меня свадебный подарок?

– Приму, Ричард. Если это будет не «Вакханалия» Рубенса.

Барон рассмеялся. Захлопнув дверцу, Глеб уехал.

В прихожей Даша встряхивала Светлану за лацканы кожаной куртки.

– Сычиха, не смей к нему приближаться! По стенке размажу, поняла?!

Светлана хмурилась.

– Ещё чего?! Потому что его пасёт какой-то хрен из ФСБ?! Зеленые Дашины глаза сверкнули.

– Не придурайся, морда! Ты видела, как он спружинил от твоего удара! И видела темную дымку вокруг него!

– Даш,пусти, – буркнула Светлана. – У меня там убийство, Калитин икру мечет...

– Никуда твоё убийство не денется! – Даша отпустила её куртку. – Обещай к Куроедову не соваться.

Светлана взялась за ручку двери.

– Ага, буду следить за ним через бинокль.

– Поклянись, – потребовала Даша.

– Запросто. Чем поклясться?

– Моим здоровьем.

Щеки Светланы вспыхнули.

– Даш, иди к чёрту! Не лезь в мою работу. Я и так выполняю её хреново.

Даша ткнула пальцем себе в переносицу.

– Смотри сюда, Фёкла!

– Ну? – В серых глазах Светланы таилась нежность. – В гляделки играть будем?

Дашины глаза влажно блеснули.

– Сычиха, пожалуйста, давай сыграем командой. Сперва толком разберёмся, потом грамотно их сделаем. Не нарывайся, Свет.

– Ой, прекрати! – Светлана приоткрыла дверь. – Подумаешь, тёмная дымка. Обычный криминал...

Даша притопнула ногой.

– Будешь ты меня слушаться?!

Светлана шагнула за порог.

– Буду. Но не всегда.

Даша придержала её за куртку.

– Сычиха, знаешь, что я сделаю? Я тебя удочерю. И стану драть ремнём на законном основании.

Светлана обернулась.

– А косички заплетать будешь?

Даша сказала тихо:

– Это не обычный криминал, Свет. Ты видела физиономию Глеба? Уж можешь мне поверить.

Светлана попятилась к лифту.

– Ладно, Даш... Мы со Стасом хотим искупаться в шкафу. Как насчёт завтра?

Даша смотрела ей в глаза.

– Вопрос стоит иначе: только попробуйте завтра не придти и не искупаться в шкафу! – С этими словами она за-

хлопнула дверь. И, уставясь, на эту дверь пробормотала: – Только попробуй вляпаться, дурында! Не представляешь, что я с тобой сделаю!

Зазвонил телефон. Взяв трубку, Даша произнесла:

– Привет, Гольдберг!

– О! – удивился мужской голос. – Как ты меня вычислила?

– Я не вычисляла тебя, Илюша. Я мысленно приказала тебе позвонить. Тебе, тухес, если не приказать, ты и не почешешься.

Голос в трубке хмыкнул.

– Знаешь, Лосева-Грин, чешусь я часто и в разных местах. Но даже не подозревал, что это по твоему приказу.

Даша рассмеялась.

– Куда ты пропал, морда?

– Начинаются эти штучки! – возмутился Илья. – А вы куда пропали? На целых два с половиной дня. Между прочим, я собираюсь к вам завтра поработать. Проходит этот вариант?

– А то! – обрадовалась Даша. – Что за вопрос?

– Мало ли. Твой Мангуст тарахтит теперь на машинке, как Стивен Кинг. Куда мне притулиться с жалкими дифуравнениями?

– В сортире полно места, – заверила Даша. – Газетку тебе постелим.

Илья хохотнул.

– Разве что. Где он, кстати? Мангуст, то есть.

– В «Метрополе». – Даша взглянула на часы. – Скоро

должен быть. После встречи с бароном Мак-Грегором. Помнишь такого?

– О-о!.. – выдохнул Илья. – Жизнь становится интересной. Или я ошибаюсь?

Проводив Глеба, Мак-Грегор вернулся в отель. Господин в берете и с усиками негромко беседовал с портье. Убрав тёмные очки в карман, он совал под нос портье раскрытое удостоверение. При появлении барона этот господин тотчас отошёл от стойки. Сценка эта, впрочем, внимания барона не привлекла, и он в задумчивости направился к лифту.

Тут зазвонил телефон, портье снял трубку и по-английски прокричал:

– Мистер Мак-Грегор! Вас просит Люси Ньюгарт!

Барон поспешил назад к стойке. Разумеется, он не заметил, как господин с усиками, успевший вновь занять кресло, едва ли не подскочил. Не заметил так же и низенького японца, который, возникнув ниоткуда, точно призрак, замаячил у него за спиной. Барон выложил перед портье очередную двадцатку и, схватив трубку, отозвался. Взмолнованный голос Люси проговорил:

– Наконец-то! Ричард, я пыталась дозвониться к вам в номер, но не застала...

– Люси, дорогая! – перебил не менее взволнованный барон. – С вами всё в порядке? Как Джордж?

– Весь в работе. Но он подавлен, Ричард, и рвётся в Манчестер.

– Вот и отлично, дорогая. Я увезу вас обоих, не волнуй-

тесь. У лорда Грина, моего доброго друга, здесь такие связи, что...

– Ричард, вы не понимаете, – перебила в свою очередь Люси. – Нам нельзя возвращаться в Манчестер.

После короткой паузы барон поинтересовался:

– Почему, дорогая?

– Потому что на конгрессе в Токио произошло кое-что... – Каждое слово, очевидно, давалось женщине с трудом. – О, Ричард... Не могли бы вы к нам приехать? Хорошо бы сегодня.

– Разумеется, Люси. С удовольствием.

– Но только, Ричард, нас поместили в пригороде, так что...

– Пустяки, дорогая: я взял напрокат «вольво». Говорите адрес, запомню без записи.

К звонку в «Метрополь» Люси подготовилась и с научной скрупулёзностью сумела растолковать Мак-Грегору, куда и как ехать. Затем, когда в голове барона всё улеглось, тревожно уточнила:

– Вы приедете, Ричард?

– Выезжаю немедленно, – заверил барон. – Всё будет хорошо, дорогая. Лорд Грин непременно всё уладит.

Помолчав, Люси пробормотала:

– Что бы не случилось, Ричард... знайте, Джордж ни при чём. Виновата я одна. – И дала отбой.

Барон растерянно положил трубку. Портье по-английски

осведомился:

– Всё в порядке, сэр?

– Да-да, благодарю. – Барон опять вручил ему зелёный банкнот.

Поколебавшись, портье вернул деньги.

– Спасибо, сэр. Достаточно.

Слегка удивлённый барон двинулся к лифту. Он хотел подняться в номер, чтобы надеть плащ, однако на пути его встал знакомый уже японец со шрамом над бровью.

– Простите, что прерываю ваши размышления, мистер Мак-Грегор, – поклонился он. – Но вы обещали устроить мне встречу с господами Ньюгарт.

– Кто вы, чёрт побери, такой?! – вспыхнул барон.

Низенький японец вновь поклонился.

– Я имел уже честь сообщить вам, сэр, что летел с вами из Лондона и что я коллега Джорджа и Люси...

– Ну да, ну да, – отмахнулся барон. – Ты такой же биохимик, как я королева Елизавета. Морочь кого другого, приятель. – Барон обошёл его и нажал кнопку лифта.

Японец бесстрастно произнёс:

– Делаете ошибку, мистер Мак-Грегор.

Барон обронил, входя в лифт:

– Твоё счастье, приятель, что ты не вывел меня из себя.

Поблуднев от ярости, японец извлёк из пиджака две миниатюрные фляжки, отвинтил крышечки и сделал из каждой по глотку. Затем спрятал фляжки в карман и вышел на ули-

цу.

Господин с усиками тем временем вновь ткнул в лицо портье удостоверение майора ФСБ.

– Значит, того типа в джинсах и куртке вы не знаете? – осведомился он сухо.

– Какого именно? – По-русски голос портье звучал не столь отшлифованно.

Майор Луганский сохранял выдержку.

– Того, который вон под той пальмой собачился с Мак-Грегором. Подумайте хорошенько.

Портье подумал и сказал:

– Видел впервые. Даже не разглядел.

Майор вперил в него взгляд.

– О'кей. А кто такой лорд Грин?

Портье опять подумал.

– Это из истории? – уточнил он.

Луганский начал закипать.

– Ваньку валяешь? Мак-Грегор упоминал это имя в телефонном разговоре, ты прекрасно слышал.

– Ах, этот лорд Грин! – обрадовался портье. – Такой здесь не проживает. Насчёт него допросите Мак-Грегора.

Майор в ярости процедил:

– Знаешь, ведь я легко могу испортить тебе жизнь.

Портье вздохнул, и лицо его как-то вдруг осунулось.

– И чёрт с ней, – сказал он. – Кому нужна такая жизнь, которую вы легко можете испортить?

Луганский отошёл от стойки.

– О'кей, нынче твой день. Но ушки держи на макушке. – У выхода он обернулся. – Хотелось бы знать, что это за лорд Грин, который всё уладит.

Даша встретила Глеба в прихожей. На ней были короткие шорты и маечка, а «конский хвост» разделён был на два «хвостика», свисающих вдоль щёк. И только лишь Глеб вознамерился снять куртку, последовал возглас:

– Стоп, ни с места! Это частное владение!

Глеб вздохнул.

– Дашка есть хочу – умираю.

Даша стояла подбоченясь, и «хвосты» её раскачивались по бокам.

– Скажи пароль!

– До сих пор, вроде, без пароля обходились.

– А сегодня я его ввела.

– Какой? Или я должен догадаться?

– На первый раз подскажу. Пароль таков: «Дашенька, Дашунечка, радость ненаглядная». Давай, у тебя получится.

Глеб повесил куртку на крючок.

– Вот щас как сдёрну с тебя шорты, положу попой кверху – и мало не покажется.

Даша заглянула ему в глаза.

– Ну, в общем... такой пароль тоже годится.

Они оба рассмеялись.

– Даш, пожалуйста! – взмолился Глеб. – Я в душ, а ты мечи на стол, ладно?

В зелёных глазах Даши мелькали искорки.

– Сперва ответь, чего ты хочешь более: что-нибудь съесть или самому быть съеденным?

Глеб развёл руками.

– Уж и не знаю.

– Вот! – Даша подняла палец. – За эту неуверенность я сперва тебя накормлю.

Раздевшись, Глеб встал под душ и, как обычно, включил холодную воду. Даша присела в дверях на табурете.

– Звонила Варвара Львовна, – сообщила она. – Жалуется на Сашку. Нервный, говорит, стал и грубит постоянно.

– Чёрт! – Глеб отфыркнул воду. – Я скотина. Сколько мы у них не были?

– Четыре дня. Я обещала, что мы завтра заедем.

– Умница.

– Тоже неплохое слово для пароля. Надо записать. А теперь колись: как тебе мой поклонник?

– Редкостный обаяшка.

– А кроме?

– На его «мерседес» птичка накакала. Даш, что ты хочешь от меня услышать?

– Любовь моя, не будь задницей. Ты ведь всё видел.

– Ну и?

– С ним что-то не так?

– Определённо. – Глеб вертелся под ледяными струями. – Теперь ты будешь под охраной. Пока не разберусь что к чему.

– Я тоже буду разбираться.

– Ага, щас! Кстати, его уса́тый друг проводил меня до «Метрополя». Сильно, видать, полюбил.

Даша округлила глаза.

– Как интересно! Представился он, между прочим, майором ФСБ.

Глеб вновь отфыркнул воду.

– Уверен, так оно и есть. Поскольку работает он как сапожник. – Глеб выключил воду. – Ну их к чертям. Дай-ка полотенце.

Даша набросила полотенце ему на спину и принялась растирать.

– А чего хочет от тебя Мак-Грегор?

Глеб отмахнулся.

– Сам толком не знает. Какие-то его приятели биохимики с туманными проблемами скрываются где-то в Москве. Достал он меня, Даш. Когда приведёт свои мысли в порядок, позвонит. Собирается, кстати, сделать нам запоздалый свадебный подарок.

Даша вздохнула.

– Трогательно.

– А то! Ричард вообще славный парень, если его хорошо встряхивать.

Надев в номере плащ, Мак-Грегор спустился в бар. Там он выпил кофе с круассаном, выкурил сигарету и направился к взятому напрокат «вольво». Голубой цвет автомобиля практически не просматривался: частично из-за налипшей пыли, а частично из-за сгустившихся сумерек. Барона, однако, ни то, ни другое не обескураживало. Он сел в машину, вырулил с тесной парковки и весьма уверенно покатыл по маршруту, указанному Люси Ньюгарт.

Сентябрьские сумерки быстро переходили в темноту. Но, несмотря на дефицит освещения, барон вскоре заметил человека, притаившегося за спинкой сиденья. Заметил, рассердился, но не подал виду. Лишь проехав проспект Кутузова, миновав Давыдково и мчась по Можайскому шоссе, Мак-Грегор вознамерился разобраться с «зайцем». С этой целью он свернул на одну из тёмных улочек и притормозил.

– Вылезай и пошёл вон! – скомандовал он негромко.

Человек отлип от спинки сиденья. Тусклого света фонаря оказалось достаточно, чтобы узнать маленького японца со шрамом над бровью.

– Мистер Мак-Грегор, вы меня разоблачили, – нимало не смутился тот. – Значит, по дороге мы побеседуем о политике и о бизнесе.

– Пошёл вон! – повысил голос Мак-Грегор.

Японец покачал головой.

– Боюсь, вы не понимаете. Вам придётся отвезти меня к Ньюгартам. У вас просто нет выбора, мистер Мак-Грегор.

Это заявление привело барона в ярость.

– Устрица протухшая! – гаркнул он, вскинув руку. – Я научу тебя манерам!

«Бардачок» на панели сам собой распахнулся, и оттуда в лицо японцу полетели скрепки, листки бумаги, ключи и закрытый перочинный ножик. Предметы эти неслись быстро, но японец мотал головой ещё быстрее, и ничто его даже не задело. Вся мелочёвка вхолостую осыпалась на пол.

Меж тем японец стал выделять из себя то ли дым, то ли туман – что-то тёмное и клубящееся. Через несколько мгновений салон «вольво» погрузился в сумрак, который оказался гораздо чернее сумрака снаружи.

Барон опешил и вместе с тем пришёл в ещё большую ярость. Он соединил ладони, затем раздвинул – и между его рук вспыхнул огненный шар. Мак-Грегор швырнул шар в противника. Однако в крошечной черноте японец не был виден, и выстрел получился, что называется, вслепую. Сзади раздалось шипенье, запахло палёным пластиком и послышалось хихиканье. Вслед за тем из сумрака выпросталась рука, извивающаяся, точно пожарный шланг, и узловатыми, длинными пальцами с невероятной силой ухватила барона за горло.

– Отвезёшь меня к Ньюгартам! – прошипел голос япон-

ца. – Отвезёшь!

Глаза барона полезли из орбит. Хватая ртом воздух, он попытался оторвать от горла кошмарную эту руку. Но хватка узловатых пальцев лишь усилилась, и голос продолжал шипеть:

– Ты подчинишься устрице протухшей! У тебя нет выбора!

Шейный позвонок барона хрустнул, глаза его закатились, язык вывалился наружу. Невероятная рука, однако, не прекращала его трясти, и голова барона болталась, как у тряпичной куклы. Лишь через несколько минут, не ощущая сопротивления, рука втянулась обратно в сумрак. Затем сумрак потускнел и рассеялся. Маленький японец сидел у окошка, и с лица его медленно сходила гримаса бешенства. На задней спинке сияла дыра, выжженная огненным шаром барона.

Еще с минуту просидев молча, японец произнёс:

– Мистер Мак-Грегор, вы... – И, замысловато выругавшись, перебрался на переднее сиденье.

Он проворно обыскал труп, но ничего ценного для себя не нашел, поскольку документы и деньги барона его не интересовали. Оставив всё как есть, маленький японец проговорил с упрёком:

– Вы осложнили мою задачу, мистер Мак-Грегор. Нужно было сотрудничать. – Приоткрыв дверцу «вольво», он скользнул в темноту московской улочки.

25 сентября, суббота

1

Супруги Ньюгарт завтракали рано. Суббота, не суббота – в лабораторию Джордж рвался не слабее, чем в Манчестере. Над дачей в Голицыно плыли редкие облачка, и солнце из-за деревьев тянулось к чайному сервизу. Женщина в белом фартуке расторопно обслуживала супругов, но лица Джорджа и Люси хмуростью своей превосходили её пасмурную физиономию.

– Ты уверена, что правильно продиктовала адрес? – осведомился Джордж.

Люси подлила ему в чай молока.

– Дорогой, ты несносен. Я всегда уверена в том, что делаю.

– Именно поэтому мы оказались здесь, – не удержался Джордж.

Люси поджала губы, щёки её побледнели.

– Давай, милый, добей меня.

Джордж накрыл её руку своей. Его порозовевшая лысина, голубые глаза и даже нос картофелиной выразили раскаянье.

– Плесни мне в рожу чаем, – предложил он.

Люси улыбнулась, инцидент был исчерпан.

Горничная внесла блюдо с дымящимися блинами и вы-

шла.

– О-о! – Джордж погладил брюшко. – Это уже слишком!

Люси вперила взгляд в окно.

– Поверь, дорогой, я обеспокоена не менее тебя. Ричард всегда держит слово и, если он не приехал...

– Вот что мы сделаем, – перебил Джордж. – После обеда отправимся к нему в отель.

Люси замерла с чашкой в руке.

– На чём отправимся, на самокате? – съязвила она.

Джордж пожал плечами.

– Почему бы не вызвать такси?

Люси грохнула чашкой о блюдо.

– Не мели ерунды! Слушать противно!

Джордж положил себе в тарелку блин.

– Обожаю, когда ты так орёшь. Детка, погромче.

– Прости, дорогой. Какое к чёрту здесь такси?

– В таком случае одолжи «мерседес» у своего племянника. Сколько их у него – шесть, восемь?

– Всего-навсего три, – уточнил по-английски вошедший Куроедов. Он был в модном костюме и при галстукке. Улыбка его так и просилась на журнальную обложку. – Куда это вы собрались, дяденька с тётенкой?

Джордж задиристо взмахнул вилкой.

– Мы должны отчитываться?! Мы в заточении?!

Улыбка Куроедова казалась непрошибаемой.

– Ведь вам нужна моя машина. Могу я поинтересоваться

зачем?

– Чтобы ограбить банк! – рывкнул Джордж.

Люси умиротворяюще подняла руку.

– Мы хотели бы съездить в «Метрополь», повидаться с приятелем, – произнесла она по-русски.

– Пригласите его сюда, – по-русски предложил Куроедов. – Разумеется, его обыщут. Если не обнаружится оружия и прослушки, ваши друзья – мои друзья.

Не понимающий языка Джордж в досаде перевёл взгляд с жены на её длинноволосого толстого племянника. Люси ответила:

– Спасибо, Володя. Собственно, так я и поступила. Ричард намеревался вчера сюда приехать, но не приехал. На него это не похоже, мы беспокоимся.

Куроедов отмахнулся.

– Мало ли. В «Метрополе» такие классные проститутки...

– Владимир! – хлопнула по столу Люси. – Либо контролируй свои мысли, либо заткни свою сраную глотку!

– Что он сказал? – встревоженно поинтересовался Джордж. Но вопрос его повис в воздухе.

Куроедов с ухмылкой поднял руки.

– О'кей, тётя Людочка, о'кей. У меня дела в городе, и ближе к вечеру я подрую в «Метрополь» и... Как имя вашего приятеля?

– Ричард Мак-Грегор.

– О'кей. Подрую в «Метрополь», разыщу там Ричарда

Мак-Грегора и лично доставлю вам. Годится?

Люси просияла.

– Было бы чудесно! – Она перевела эту идею мужу. – Согласен, дорогой?

Джордж хмуро кивнул.

– Если он по дороге Ричарда не прикончит.

Хохотнув, Куроедов перешёл на английский:

– Ты параноик, дядя.

– А ты кретин, – буркнул Джордж.

– У каждого свои недостатки, – парировал племянник, направляясь к двери.

Джордж бросил вдогонку:

– Как там твоя девушка? Не засохла ещё от любви?

Куроедов застыл в дверях. Затем произнёс сквозь зубы:

– Не подавись блином, Джордж. Это подорвёт наш бизнес. – И, откинув со лба волосы, вышел.

2

Глеб и Даша успели хорошо выспаться, позавтракать, постучать на пишущей машинке, почеркать написанное и вдобавок пожмуриться на гуляющее по кухне солнце. Всё это они успели, пока не раздался звонок в дверь. Глеб открыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.